

Боярская сотня

Александр Проzorov

Дикое поле

«Автор»

Прозоров А. Д.

Дикое поле / А. Д. Прозоров — «Автор», — (Боярская сотня)

Они всего лишь хотели сыграть в ролевую игру. Воссоздать великую битву далекого прошлого. Но – что-то случилось. Прошлое само настигло их и стало реальностью. Вихри времени забросили людей нашего столетия в кровавую эпоху царя Ивана Грозного. В страшные годы опричнины и бесконечных войн с Ливонским орденом. Здесь надо уметь сражаться. Здесь надо учиться выживать...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	31
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Прозоров

Дикое поле

Часть первая

Внутреннее море

Глава 1

Балык-Кая

В девятьсот тридцать первую годовщину после великого хиджра пророка Мухаммеда из Мекки в город Медину, в год тысяча пятьсот пятьдесят третий от рождения пророка Иисуса, больше известный в цивилизованном мире как семь тысяч шестьдесят второй от сотворения мира, на морском горизонте в виду города Балык-Кая, по привычке все еще называемого многими жителями Чембалю, появился парус. Правда, пожилой воин с длинными обвисшими усами, одетый в мягкую потертую феску с желтым шнурком, белую просторную рубаху, синие шаровары и войлочные тапки с загнутыми носками, опоясанный широким кушаком с засунутыми под него на животе круто изогнутыми ножнами с тяжелым ятаганом, не обратил на белое пятно ни малейшего внимания. Он прохаживался по смотровой площадке возле флагштока с алым знаменем, украшенным звездой и полумесяцем, негромко напевая себе под нос, поглаживая объемистый живот и временами шурясь на теплое сентябрьское солнце. Да и о чем было волноваться караульному в самом сердце великой Оттоманской империи, на берегу ее внутреннего, Черного моря, вдали и от венгерских равнин, на которых он провел половину жизни, и от мамелюкских отрядов, изредка рискующих наскакивать на границы величайшей из подлунных держав? Бледнолицые крымские татары, ханы которых уже скоро век, как признали над собой власть Великолепной Порты, за все годы ни разу – ни словом ни жестом, – не рискнули дать султану повода для недовольства. Да и немудрено – не закрывай их от гнева многочисленных соседей грозный силуэт Стамбула, уже собравшего под свою руку почти всех мусульман мира, а также половину европейских земель, крымских разбойников уже давным-давно рассадил бы по кольям либо литовские, либо русские соседи. И только окрики султана, способного в любой момент выставить против врага армию в четверть миллиона отважных воинов, заставляли неверных, скрипя зубами, отступать в свои земли и раз за разом терпеть набеги лихих татарских сотен.

Выполняя свой воинский долг, пожилой янычар больше грелся под дружелюбным небом, нежели смотрел по сторонам, напевал привязавшуюся еще со времен молдавского похода песенку и мысленно прикидывал число серебряных монет, оставшихся в кушаке от выданного месяц назад жалования. Их вполне хватало на кувшин кисловатого, хорошо утоляющего жажду виноградного сока и хороший шмат запеченной в тесте рыбы. В чайхане же можно заодно и пощипать за узкий зад черноволосую черкесскую рабыню, обслуживающую гостей. Большого от девки воину уже давно не хотелось. Он прекрасно понимал, что прислан сюда, в тихий и безопасный, далекий от полей сражений гарнизон доживать свой век, и не видел в этом ничего страшного. Довольно проливал он кровь за Сулеймана Великолепного – пора принять заботу и от него. Жизнь не бесконечна, и лучше закончить ее на лежаке родной оды в спокойном гарнизоне, нежели издохнуть от натуги в очередном дальнем переходе.

Между тем парус, увеличиваясь в размерах, поднимался из-за горизонта. Вскоре стали различимы очертания широкого корпуса, темные кончики двух мачт, вытянутый далеко впе-

ред бушприт, длинный вымпел на кормовом флагштоке, давно выцветший под ударами соленых брызг и испепеляющими солнечными лучами. Да и само судно, в котором взгляд опытного моряка без труда узнал бы старый двухмачтовый неф, явно доживал свой век. Любимый итальянскими купцами корабль щетинился отставшими досками, бортовой люк очерчивался широкими щелями, в которые при сильном волнении наверняка просачивалась вода, мачты заметно гуляли в своих гнездах.

Скорее всего, понимал это и владелец судна, стоящий на юте в бархатном берете с длинным темно-синим пером, суконном камзоле, украшенном на груди полосами толстого желтого шнура, и в высоких кожаных сапогах. Именно поэтому он не тратил накопленное в путешествиях золото на насущный ремонт, надеясь на промысел Божий и на то, что корабль не развалится прямо под ногами еще пару месяцев – вполне достаточно, чтобы вернуться из владений султана в Италию.

– Купить русских мастеровых, – пробормотал купец, – удачно продать их в Венеции – и можно взять еще крепкую каравеллу. Или заказать новенький когг на ганзейских верфях.

– Вы собираетесь торговать русскими мастеровыми в Италии? – громко расхохотался стоящий рядом с ним гладко выбритый ландскнехт, несмотря на жару закованный в темную немецкую кирасу поверх кожаного поддоспешника, с длинным рыцарским мечом на боку.

Впрочем, для воина рыцарский меч длинным не казался – ландскнехт превышал ростом своего собеседника едва ли не на три головы, был вдвое шире в плечах, а руки его играли мышцами, едва не раздирая тонкую ткань выглядывающего из-под доспеха атласного рукава рубахи.

– Ну, хороших мастеровых на невольничьем рынке не найдешь, – поморщившись, признал купец. – Но для венецианцев за ремесленника и деревенский кузнец сойдет. А таких татары пригоняют немало.

– Русских кузнецов? – презрительно фыркнул воин. – В цивилизованную Италию? Да вы с ума сошли, сэра Артур!

Купец тихо вздохнул. Он давно смирился с тем, что нанятый в Салисе русский упрямо обращается к нему, как к дворянину, смирился с тем, что он шляется на капитанский мостик, как на камбуз, что по утрам и вечерам, раздевшись догола, обливается на палубе забортной водой, а свою одежду регулярно полощет на веревке в бурлящей за кормой воде. Он предпочел не узнать, что странный наемник едва не изувечил двоих моряков, назвавших его «русским». Точнее, одного назвавшего, а другого – рискнувшего вступить за товарища. И выбил набок челюсть еще одному – попытавшемуся посмеяться над его любовью к чистоте. Сам русский именовал себя магистром – и очень скоро вся команда предпочитала окликать его только так, не придумывая никаких прозвищ. Московит вел себя таким образом, словно искал смерти: молотил кулаками тех, кто пытался нападать на него с короткими абордажными палашами, обнажал меч против схватившихся за мушкетоны и пытался раздражить кучку шведских бордачей, когда те собирались поболтать впятером. Если до сих пор на нефе никого не убили – то только потому, что с безумцем, сильно смахивающим на берсерка, моряки предпочитали не связываться даже все вместе против одного.

Глядя на этого русского, Артур Вильсон начинал понимать, почему викинги, наводившие ужас на всю Европу, настолько боялись своих восточных соседей – даже насыпали вал поперек своего полуострова, чтобы было где отбиваться в случае славянского набега. Если в Московии таковых хотя бы один мужчина из десяти – он и сам не поленился бы поставить вокруг родного городка стену, дабы отгородиться от подобных соседей.

Впрочем, пользы от русского оказалось куда больше, нежели вреда. Так, во всех портах, в конторы которых Вильсон являлся в сопровождении угрюмого московита, чиновники, глядя на огромного детину с холодным, как у мраморного изваяния, взглядом, не пытались, как обычно, выпросить мзду за разрешение на стоянку и разгрузку. В портовых кабаках, где всегда таи-

лись где-нибудь в тени соглядатаи всякого рода витальеров, каперов или просто разбойников, он непременно устраивал драки, отбиваясь от обладателей ножей скамьями и выломанными из столов ножками. После этого потрепанный неф со столь лихой командой вряд ли кто считал легкой добычей. Еще русский похода предсказал, что во Франции, куда собирался Вильсон с грузом пеньки и холста, начинается резня еретиков, и им будет не до торговли. Купец, проверив слухи, предпочел сдать груз в далекий от континента Гулль. В Англии, прислушавшись к предсказанию москвитя о назревающей в Голландии войне, он взял на борт полмиллиона залежавшихся на крепостных складах арбалетных болтов, придержал едва не проданное сало и прикупил несколько бочек бурой самородной серы. Как оказалось – очень даже удачно. Местные жители жили мирно только внешне, на деле привечая бредущих из далекой Германии лютеранских проповедников и потихоньку накапливая в подвалах аккуратненьких домов наконечники протазанов, кирасы и аркебузные стволы. Арбалетные стрелы, на которые комендант крепости Хелдера отказался даже смотреть, в сумерках торопливо вывезли какие-то серые личности, заплатившие золотом втрое. Серу следующим утром забрали двое сукончиков для «протравливания шерсти», а сало, не скупясь, приобрел цех пивоваров.

На вырученные деньги Вильсон взял пару постав малоинтересных местным жителям кружев, закупил драгоценные луковицы тюльпанов и отчалил с полупустыми трюмами, пока его не обвинили в контрабанде.

За один только этот рейс русский окупил все серебро, как уже ему заплаченное, так и обещанное. Еще успел, помимо прочего, лениво, за кружкой пива, в подробностях рассказать о пути в северный московитский порт Архангельск, через который и шли почти все грузы огромной страны, про тайный путь к новой Индии, открытый португальскими и испанскими мореходами – с упоминанием даже некоей реки в океане, – предсказал нападение Испании на Италию и ее порабощение ближе к концу века, скорое исчезновение Ганзейского союза, развал Священной Римской Империи и объединение Польши и Литвы. А еще – наемник, как и обещал, обучил хозяина русскому языку.

Пожалуй, расскажи теперь кто-нибудь английскому купцу, что стоящий рядом с ним воин – это кандидат физических наук Александр Тирц, когда-то читавший лекции в Чикагском и Шеффилдском университетах об акустике твердых тел и генерации носителей зарядов, и основавший в тысяча девятьсот девяносто втором году в городе Санкт-Петербурге военно-исторический клуб «Ливонский крест», Артур Вильсон не удивился бы не на мгновение. И даже не спросил бы, что за город такой «Петербург» и что такое «акустика»? Купец с самого начала рядом с русским чувствовал себя, как с драконом, принявшим человеческий облик. И все-таки не хотел с ним расставаться – потому, что имея рядом злобного, но не трогающего тебя дракона живется намного спокойнее, нежели совершенно одному.

Однако наемник поднялся на борт корабля при одном обязательном условии: Вильсон доставит его в Крым. Русский почему-то был уверен, что из Крыма сможет в одиночку уничтожить всю огромную Московию, которую с беспримерным упрямством называл Россией. А берег уже приближался, и впереди ясно различались высокая башня-донжон с караульным наверху, зубцы прочных каменных стен древней генуэзской крепости, заканчивающихся на кромке высокого обрыва, над небольшим песчаным пляжем. Гавань Чембало пока не просматривалась – казалось, возвышается над волнами сплошная грязно-розовая стена.

– Как повяжешь галстук, береги его: он ведь с красным знаменем цвета одного, – неожиданно произнес русский, выведя купца из задумчивости.

– Что? – вздрогнул Вильсон.

– Знамя красное вижу над башней, – вскинул вперед подбородок Александр.

– Да, – грустно согласился капитан. – И здесь теперь Османская империя. Султанат растет и растет. Лет через сто, видимо, вся Европа под его властью окажется.

– Не окажется, – спокойно и уверенно предсказал русский. – Еще раза в полтора вырастет, и все.

– Слава Богу, – облегченно перекрестился англичанин и не к месту предложил: – Зачем тебе здесь оставаться, Магистр? Ты ведь не араб, не мусульманин. Давай распродадим товар, возьмем рабов и уйдем назад, в Италию. Я тебе серебра в полтора раза больше положу, чем сейчас.

Наемник повернул голову и сверху вниз с некоторым недоумением посмотрел на Вильсона.

– Вдвое больше положу, – с ходу поправился англичанин. – Ну же, магистр! Ты и в Архангельск дорогу знаешь, и в новые земли за океан. Куплю каравеллу, или когг новый, на них и по океану не страшно идти будет.

Русский так же молча отвел взгляд.

– А хочешь, – решился англичанин, – хочешь, долю дам в прибыли?! Не вечно же мне плавать! Осядем потом где-нибудь в Блэкпуле, подальше от штормов. Купим крепкие дома, женимся, заведем дети...

– И когда вы собираетесь осесть на берегу, сэр Артур? – неожиданно перебил его Тирц.

– Ну, – оживился купец. – Лет двадцать еще, я думаю, попутешествовать придется, пока капитал собьем. А потом...

– Двадцать, – кивнул русский, – что же, это вполне достаточный срок.

– Ты согласен? – несколько даже удивился Вильсон легкости победы.

– Двадцать лет... – задумчиво повторил наемник. – Лет десять понадобится, чтобы разорить. Года два-три на завоевание. Еще лет пять на подавление сопротивления и исламизацию страны. Ну, еще пару лет накинём для подстраховки... Пожалуй, что так. Так вот, сэр Артур. Думаю, лет через двадцать вы узнаете, что такой страны, как Россия, больше не существует, что русский язык, который вы так старательно учили, нужен людям не более, чем древняя латынь, а вместо Москвы на картах появится какая-нибудь Нью-Анкара. И это будет означать, что я закончил свою работу и готов приехать в Блэкпул отдохнуть. Договорились?

– Но почему, – первый раз за все время не выдержал англичанин, – почему ты думаешь, что тебе удастся справиться с Москвией? Что у тебя есть, кроме старой кирасы и одного меча?!

– Вы все еще не понимаете самого главного, сэр Артур, – впервые за год широко и дружелюбно улыбнулся русский. – Самое главное – это не порох и железо. Самое главное у человека находится здесь, – он выразительно постучал пальцем себе по виску. – А здесь у меня лишних четыреста пятьдесят лет.

* * *

Вильсону повезло – ветер дул с моря, поэтому в узкую и длинную бухту Чембало неф смог войти сам, без весельного буксира. А значит, в кармане купца сохранилась еще пара золотых монет. Оставив на мачтах по одному нижнему прямому парусу, судно неспешно проскользило под темными пушечными стволами охраняющей вход в бухту крепости и бросило якорь вблизи вытянувшихся от берега причалов. Теперь предстояло встретиться с начальником порта, получить разрешение на стоянку и разгрузку, на торговлю в городе. Никаких трудностей с этим англичанин не ожидал. Среди купцов хорошие вести распространяются быстро, и Вильсон знал, что несколько лет назад султан казнил за взяточничество тридцать тысяч своих беков, и теперь османские чиновники честны и исполнительны как никогда. При подобных сообщениях из дальних стран купцы начинали громко сожалеть, что Сулейман Великолепный еще не успел прибрать под свою руку всю Европу с ее дикими нравами. Тем более, что османы, как всем известно, отличались крайней терпимостью к покоренным народам, не требуя принимать

свою веру, изменять обычаям и укладу жизни и даже оставляя на местах прежних правителей – если те, разумеется, искренне присягали Великой Порте.

К корме судна подтянули привязанную на длинной веревке шлюпку, в нее спустились четверо моряков и сам купец, опустили на воду весла. Десяток гребков – и они оказались у подножия многоярусного, ступенька за ступенькой взбирающегося на крутой склон города.

– Водички свежей не желаете? – немедленно направился к ним бродивший у причалов старикашка в свободной рубаше и коричневых шароварах, с бурдюком на спине. – Холодная, ключевая.

Вильсон услышал, как зарычал на спину Магистр и предупреждающе вскинул руку:

– Подожди, не ругайся, – а затем почти ласково обратился к торговцу водой: – Откуда, говоришь, водица?

– Родник под горой бьет, – неопределенно махнул рукой в сторону старик. – Оттуда и ношу, как же иначе?

– Далеко?

– Далече, – тяжело вздохнул старик. – Водицу испивать станете, али как?

– Ты сам откуда... родился?

– Из-под Калуги мы. Почитай, уж годков двадцать, как татары угнали. – Интерес, проявленный иноземцами к его скромной персоне, заставил забыть водоноса о своей корысти. – Поначалу при саде у Массима-бея трудился, а как слаб стал, хозяин водой торговать отпустил. Монету серебряную в день приношу, а остальное мое. И кормит по-прежнему, и за жилье платы не требует, дай ему Бог здоровья... – Старик перекрестился, слегка поклонившись невидимому Господу.

– Язык рабов! – презрительно фыркнул за спиной русский.

Рабов не рабов – но русскую речь понимали и в Польше, и в Литве, и в Ливонии, и в Крымском ханстве. Понимали смысл разговора в Швеции и Дании. Если Вильсон собирался наращивать капитал, торгуя с богатой Москвией, – то обходиться в восточных землях без толмача было для него едва ли не важнее покупки хорошего судна. И сейчас англичанин откровенно наслаждался, общаясь с русским рабом запросто, без чьей-либо помощи.

– А домой вернуться не хочешь? Стар ведь совсем, хозяин может и отпустить.

– Кто меня там помнит, мурза, – отмахнулся водонос. – Столько лет прошло. Кто кормить станет старика, кому нужен такой хомут на шею? Не, здесь я уже привык, прижился. Угол есть, харч дают. Водичкой, вот, приторговываю.

– Ты налей мне водицы-то, налей, – полез в карман камзола англичанин и нащупал там медную монету. – Где начальник порта сидит, не знаешь?

– Как же не знать. – Водонос торопливо развязал бурдюк и наполнил большую медную кружку. – До конца этой улицы дойдете, там мазанка белая стоит, с большим крыльцом. Рядом два янычара постоянно сидят, не ошибетесь.

– Хорошо, ступай.

Холодную родниковую воду, показавшуюся особенно свежей после затухшей в бочках корабельной, купец все-таки выпил, отдал рабу пару медных монет, не посмотрев на их достоинство и происхождение, и решительным шагом направился в сторону мазанки, угол которой виднелся из-за сложенной перед причалом груды мешков.

Богатым портом Чембало управлял довольно молодой араб – худощавый, гладко выбритый, с непропорционально большими голубыми глазами на скуластом лице, одетый в короткую курточку, оставляющую открытой грудь, и шелковые штаны. В мазанке, пол и стены которой укрывали плотные войлочные ковры, покрытые коричнево-зелеными узорами, было жарко – но висевший в воздухе горьковатый запах крепкого кофе каким-то непостижимым образом скрадывал духоту и придавал казенному дому ощущение уюта.

Сидевший на вышитой подушке араб, сделав вид, что приподнимается со своего места, указал посетителям на ковер перед собой. Артур Вильсон с готовностью сел, поджав под себя пятки, а русский, слегка расставив ноги и положив руки на рукоять меча, остался угрюмо стоять, глядя в стену перед собой. Начальник порта, не сумев скрыть изумления от вида громадного воина, довольно долго рассматривал его снизу вверх – отчего наемник казался раза в полтора выше, нежели был на самом деле, – потом соскреб с подноса костяную трубочку кальяна, основательно, судя по зазвучавшему бульканью, затянулся, после чего перевел взгляд на купца:

– *Tu marches inutilement selon les rues de la ville avec l'esclave armé...*

Говорил араб, естественно, по-итальянски – на каком еще языке мог обращаться к гостю чиновник в землях, которые больше трех веков обживались генуэзцами, и населялись ими по сей день, поскольку после вхождения Крыма в османскую империю Порты ограничилась присылкой нескольких гарнизонов из престарелых ветеранов в крупные города и горстки чиновников, присматривающих за общим порядком? Разумеется, избавляясь от ханского налога с христиан, большинство местных жителей окрестились в мусульман, стали называть себя беями, мурзами и татарами – но от этого они не переставали быть итальянцами, детьми итальянцев и их внуками, светлокожими, черноволосыми и остроносыми.

Англичанин мстительно улыбнулся, представляя себе, что чувствует сейчас Магистр. Помнится, он всегда ругался, что в портах и кабаках многих стран слышалась русская речь вместо его любимой английской – вот пусть теперь порадует. Здесь по-русски не говорят.

Начальник порта принял улыбку на свой счет, осклабился в ответ и повторил:

– Ты напрасно ходишь по улицам города с вооруженным рабом, торговец. Великая Оттоманская Империя – это не дикая разнузданная Европа. Здесь нет разбойников и грабителей, здесь никто не затевает на улицах пьяных драк и не попрошайничает. Твой охранник, скорее, привлечет внимание караульных янычар, и вы оба окажетесь в зиндане до прояснения ваших личностей и намерений.

– Я знаю об этом, уважаемый паша, – кивнул англичанин, – и горд тем, что мне посчастливилось ступить на земли великого султана Сулеймана Великолепного, да продлит Господь годы его правления на много-много лет.

– И да будет милостив к нему Аллах, – подхватил слова гостя араб, – да пребудет он в сиянии своей мудрости и непобедимости...

Вильсон со своей стороны поддакнул, хорошо зная, что с чиновниками пресыщенного богатством и силой Востока нельзя спешить с деловыми вопросами, а сперва следует просто поиграть словами, выражая свое восхищение и уважение как своему собеседнику, так и его стране. После долгого и обстоятельного восхваления султана купец вернулся к прерванному разговору и кивнул на русского:

– Разумеется, достопочтенный паша, я не стал бы ходить по земле величайшей и могущественнейшей из империй с оружием, но воин сей не является моим рабом. Он всего лишь плыл вместе со мной в Чембало, чтобы поступить на службу к великому султану, желая сражаться на границах империи с его врагами.

– Вот как? – несколько удивился араб, опять переводя взгляд на русского. – Что же, наш великий, мудрый и могучий правитель всегда с радостью встречает иноземцев, желающих честно служить блистательной Порте. Вот только янычары могут этого не знать, и вы все равно окажетесь в зиндане... Хотя я, мой уважаемый друг, постараюсь замолвить за вас в этом случае несколько слов.

Купец, услышав, что он стал «уважаемым другом», приободрился и понял, что пора переходить к вопросу о стоянке. А что касается русского...

– Я же говорил, о мудрый паша, – улыбнулся Вильсон, – он мне не раб, и я не могу запретить ему носить меч. Если это смогут сделать ваши янычары...

Араб кинул на русского оценивающий взгляд в третий раз, опять взялся за мундштук кальяна, глубоко затянулся и наконец покачал головой, признавая поражение:

– Да, мой друг, не все наши желания увенчиваются успехом. Однако вам следует поскорее сходить к султанскому наместнику Балаклавы Кароки-мурзе и высказать желание вступить на службу. Так будет спокойнее всем.

– Разумеется, – с готовностью кивнул англичанин. – У меня даже имеется к нему рекомендательное письмо.

– Откуда? – развел руками начальник порта. – У вас есть друзья при дворе султана?

– Мне настоятельно советовал посетить Крым мой друг Францеско Кроче, продавший мне свой неф. Он говорил, что здешние беи с охотой покупают бархат и габардин, мягкое сукно, а отсюда можно вывести сильных рабов или умелых русских мастеровых.

– Да, это так, – согласился араб.

– Не согласится ли в таком случае уважаемый паша дать моему кораблю разрешение на стоянку и разгрузку привезенного товара?

– Буду только рад, если такой чудесный гость задержится в нашем городе! – искренне обрадовался араб. – За швартовку судна вам надлежит уплатить в султанскую казну восемь алтун, два алтуна в казну хана Гирея и один на нужды города, еще один на нужды порта, и далее по три алтуна за каждый день стоянки.

– Восемь, два, один, один...

– Вам никак не управиться с делами менее, чем за три дня, мой драгоценный друг. Итого, взнос за швартовку составит двадцать один алтун или тридцать дукатов.

– А если в испанских дублонах?

– Двадцать семь дублонов, – с готовностью перевел араб. – И вы можете подходить ко второму причалу. Пошлину на товар я определю после разгрузки трюмов.

– Ко второму? – Англичанин хотел было подняться, но вовремя вспомнил, что ближние к мазанке причалы – довольно низкие, рассчитанные на небольшие галеры или рыбацкие лодки. Нефу для нормальной разгрузки необходим высокий причал, на который из ведущего в межпалубное пространство люка в борту можно напрямую выкатывать бочки и выносить тюки. – А нельзя ли мне встать к одному из дальних причалов? Из тех, что перед самыми верфями?

– Они очень стары, – с приторным прискорбием покачал головой араб и снова взялся за кальян. – Очень стары. Я не могу допустить, чтобы товар такого уважаемого человека упал в воду из-за ветхости причала...

– А если я готов рискнуть?

– Великий султан возложил ответственность за порядок в порту Балаклавы на меня, да проведет он свои годы в счастье и радости. И груз ответственности за любую беду в любом случае ляжет только на меня...

Вильсон вздохнул, хорошо понимая, каким образом можно облегчить тяжелый груз ответственности начальника порта:

– А если я добавлю золотой испанский дублон... – Тут англичанин вспомнил про тридцать тысяч посаженных на колья взяточников и осекся. Араб выжидательно приподнял подбородок. – А если я внесу лишний дублон на ремонт этого причала, – нашел способ выкрутиться купец, – быть может, тогда мне будет позволено встать именно к нему.

– Ремонт причалов султанского порта – это очень важное дело, – задумчиво кивнул начальник порта. – Пожалуй, ради этого важного дела я приму на себя вину, и да будет великий султан, благословенный Аллахом, всесильным и всемогущим, милостив ко мне, и да пребудет с нами его мудрость.

С облегчением поднявшись, Вильсон отсчитал золотые монеты, вышел на залитую солнцем улицу, прошелся до самых дальних, высоких причалов и, выбрав самый добротный, зама-

хал с него руками на судно, указывая место для стоянки. На бушприте один за другим поднялись два косых паруса, выгнулись вперед, и купец сладко повел плечами:

– Maintenant il faut descendre... – Тут он спохватился и перешел с итальянского на русский язык: – Теперь нужно сходить к городскому мурзе, передать ему письмо от Франческо. Попросить от наместника рекомендации к местным купцам. Когда есть весомая рекомендация, дела идут куда веселее. Заодно узнаем, как найти столь дорогого твоему сердцу Девлет-Гирея.

– Девлет-Гирей – это крымский хан, – холодно ответил русский. – Он живет в Бахчисарае.

– Если ты прорубишься к нему с помощью меча, – усмехнулся англичанин, – то вряд ли сможешь спокойно договориться о своих хитрых планах. Гораздо надежнее получить рекомендательное письмо. Где тут бродит наш знакомый водонос? Сегодня ему повезет с медными монетами... Эй, старик! Иди сюда. Налей мне еще кружку воды и проводи нас к дому Кароки-мурзы. Его ты тоже наверняка должен знать.

* * *

Хотя водонос и называл жилище султанского наместника дворцом, особого впечатления он ни на англичанина, ни на Тирца не произвел. Обычный двухэтажный дом с редкими узкими окнами и башенкой на одном из углов, сильно смахивающий на очень большую мазанку. Хотя, конечно, дом был либо деревянный, либо и вовсе каменный, но хорошо оштукатуренный и выбеленный для защиты от солнечных лучей.

– Проходите мимо, – махнул им стоящий у дверей мужчина в потрепанном ватном халате, сжимающий в единственной руке деревянную палку. – Постоялый дом дальше, под скалой.

Услышав русскую речь, Магистр вздрогнул, скрипнул зубами, но сдержался, вовремя сообразив, что перед ними поставленный привратником раб, из-за увечья мало пригодный к другим работам.

– Нам нужен великий паша Кароки-мурза. – Англичанин давно усвоил, что лишние возвеличивающие эпитеты на Востоке неуместными не бывают. – Мы пришли к нему не с жалобой или просьбой, а с письмом от его давнего друга, Франческо Кроче из Чивитавенни.

– Откуда? – не понял раб.

– Чи-ви-та-вен-нья, – раздельно повторил англичанин. – Скажи просто, весть привезли от Франческо Крочи.

– Подождите здесь, – грубо распорядился привратник и ушел внутрь, заперев кованую решетчатую дверь на засов.

– Пригласят к наместнику сегодня, – негромко предсказал англичанин, – торговля получится хорошей. Если предложат зайти спустя пару дней, придется крутиться самому. А то еще и ждать с груженым судном заставят, пока паша для беседы освободится.

– Так он паша или мурза? – не понял русский.

– Мурза, конечно, – пожал плечами купец. – Тут на все ханство один-единственный султанский паша сидит, в Кафе. Остальные – или мурзы, или ханы местные. Но уж очень каждый любит, если его пашой называть...

Звякнула, открываясь, решетка, и путники увидели, как посторонившийся привратник сгибается перед ними в низком поклоне:

– Прошу вас входить, почтенные. Мурза ждет вас.

Изнутри жилище наместника походило на дворец куда больше, нежели снаружи: поднявшись на второй этаж, гости оказались на балкончике, опоясывающем все стены изнутри. Внизу широкий двор пересекали выложенные мраморными плитами дорожки, нарезая усаженные розами, тюльпанами, шиповником и васильками треугольные клумбы. Посередине искрился под солнечными лучами неглубокий – от силы по колено, – но довольно широкий бассейн. От влаги и зелени дохнуло прохладой.

– С этого балкона мурза своим гаремом любитесь, когда те гуляют, – шепнул, обернувшись, Тирцу англичанин, и в голосе его послышались нотки зависти.

– А ты не в Англию возвращайся, – неожиданно посоветовал русский, – а где-нибудь в Бафре поселись. Прими ислам, и заводи себе хоть два гарема, никто слова не скажет.

– Ну, скажешь... – отрицательно покачал головой купец, но как-то неуверенно.

– Вот сюда, почтенные, – привратник распахнул дверь, ведущую в угловую, как раз под башенкой, комнату, и снова низко поклонился.

В помещении, в котором царил прохладный полумрак, пахло кофе и яблоками. Полы, разумеется, устилали наложенные в два, если не три слоя, ковры, по стенам извивались, причудливо переплетаясь, утолщаясь и утончаясь, разноцветные линии, напоминающие изящную арабскую вязь. Тут и там валялись набросанные в беспорядке толстые подушки. Посреди помещения стоял низкий продолговатый столик, на котором теснились вазы с персиками, виноградом, абрикосами, грушами и яблоками, среди которых потерялись два блюда с копченой рыбой и высокий кувшин с тонким, изогнутым наподобие лебединой шеи носиком.

У стола полулежал, откинувшись на спину, хорошо упитанный мурза в расстегнутом парчовом халате – под которым, впрочем, проглядывал другой, атласный. На вид султанский наместник выглядел далеко за сорок – мешки под глазами, складки около рта, проседь в черных волосах. Вдобавок он тяжело дышал, словно только что очень долго рубился с кем-то на мечях.

– Почему Андрей не забрал у вас оружия? – удивился хозяин дворца. Русский в ответ презрительно рыкнул, и мурза, поморщившись, покачал головой, явно делая далеко идущие выводы. – Так это вы привезли мне послание от Франческо?

– Да, оно у меня, – подступил ближе англичанин и вытянул конверт из-под обшлага камзола. Мурза приподнял руку, и купцу пришлось перегнуться через стол, чтобы вложить послание в пухлые пальцы. – Мое имя – Артур Вильсон.

– И как поживает мой друг Крочи? – перешел на английский язык мурза, крутя конверт перед собой, но не торопясь его вскрывать.

– Он решил основать новый торговый дом, собирается перебраться в Милан. – Англичанин отступил немного назад, не решаясь сесть без приглашения. – Заказанную каравеллу продал семье Гальдони прямо со стапеля, свой старый неф отдал мне.

– Отдал? – приподнял брови мурза.

– Продал в долг, с отсрочкой на три года, – уточнил Вильсон.

– Наверное, ты очень понравился Франческо, если он не содрал с тебя три шкуры, причем вперед, – рассмеялся хозяин дома. – И это прощает многое. Но только почему ты являешься к друзьям своих друзей со столь внушительной охраной? Так можно потерять расположение даже самых хороших товарищей.

– Это не охранник, – поспешил оправдаться купец. – Этот наемник хочет служить султану. Точнее, он хочет подружиться с крымским ханом и вместе с ним уничтожить Московию.

– Русский, что ли?

– Да, о мудрейший паша.

– Просто удивительно, как много предателей рождает московская земля, – удивленно покачал головой хозяин дома. – И каждый стремится смешать свою родину с грязью и уничтожить как можно скорее. И еще: не нужно называть меня пашой. Я – мурза великого султана, милостью его получивший чин наместника Балаклавы, и не желаю ничего большего. Наш род служит Великой Порте двести лет и никогда не искал званий и почестей.

– Простите, Кароки-мурза, – понятно кивнул гость.

– Так ты хочешь вступить на службу нашему всемилостивейшему и мудрейшему султану Сулейману Великолепному? – перешел мурза на русский язык, обращаясь к Тирцу.

– Нет, – мотнул головой воин, положив руку на меч. – Я хочу найти Девлет-Гирея и вместе с ним за десять лет полностью разгромить и покорить Россию.

– А почему именно Девлета? – задумчиво почесал нос уголком конверта мурза.

– Потому, что он крымский хан, – пожал плечами русский.

– Милостью султана Сулеймана крымским ханом является Сахыб-Гирей. – Мурза наклонился вперед, подобрал с одной из ваз большую сочную грушу и вонзил в нее редкие желтые зубы.

– В тысяча пятьсот пятьдесят первом году султанским фирманом он смещен с ханского престола и вместо него назначен хан Девлет-Гирей, – уверенно отчеканил Тирц.

– Может быть, вам, русским, этого и хочется... – с ухмылкой начал мурза, как вдруг его гость взревел дурным голосом:

– Я не русский!!! – выхватил меч и шагнул вперед.

– Андрей! – завопил хозяин дома и швырнул в воина грушу, которую тот резким движением меча прямо в полете рассек на две половинки. В стороны брызнул сладковатый липкий сок.

– Магистр! – кинулся на своего «дракона» англичанин, но рослый кандидат наук, не один десяток лет любовно оттачивавший мастерство рукопашного боя и рубки на мечах, легко стряхнул его в сторону, перебросил меч из руки в руку и сделал еще шаг.

– Андрей!

Привратник влетел в комнату, с ходу огрел русского по спине своей палкой, потом вцепился в нее зубами, рванул, и в руках у него оказался длинный тонкий клинок.

– Кацап!

– А-а, – обернулся на звонкий удар по кирасе воин, по-звериному зарычал и спрятал в ножны меч. – Жмудин?

– Х-ха! – резко выдохнул однорукий, приседая в длинном выпаде, но русский просто подставил под укол левую ладонь. Клинок пронзил ладонь, войдя в нее на всю длину и Тирц сжал кулак, зажимая в нем руку врага вместе с эфесом потайного оружия. А потом принялся мерно бить привратника кулаком по лицу.

Тем временем мурза, с неожиданной для оплывшего тела резвостью, на четвереньках отбежал к стене, выковырнул из-под ковра лук, несколько стрел, быстрым движением воткнул большой палец в наперсток и выпрямился во весь рост, изготовившись к выстрелу. Ощущение в руках оружия несколько успокоило хозяина дома – даже одышка исчезла, – и он, вместо того, чтобы выстрелить, всего лишь окрикнул распоясавшегося гостя:

– Отпусти моего раба!

– А-а? – Русский отпустил обмякшее тело и, не обращая внимания на капающую с руки кровь и на нацеленный в грудь граненый наконечник стрелы, двинулся на хозяина дома.

– Не смей! – опять кинулся вперед и повис на русском купец. – Стой, не то не получишь письма к Гирею!

Угроза подействовала. Воин остановился, оглянулся на измочаленного однорукого, прокашлялся и хрипло заявил:

– Извините, погорячился.

– Он совсем безумен, Вильсон? – не опуская лука, по-итальянски спросил мурза. – Почему ты позволяешь, чтобы он ходил с мечом? Как ты не побоялся взять его на корабль?

– По дороге я показывал его в портовых кабаках, – осторожно отступил от воина англичанин, – и за все время на нас не рискнул напасть ни один пират, и на судно не пролез ни один воришка.

– Я бы тоже не полез, – кивнул мурза, поводя по тетиве наперстком. – Он больше не кинется?

– Нет, – покачал головой англичанин. – Насколько я понял, прежде чем наняться ко мне на корабль, он пересек Ливонию в облачении крестоносца. А местные жители крестоносцев очень не любят. Кажется, пару раз его пытались зажарить живьем в доспехах, потом пробовали

заморозить, поливая в стужу водой, забивали оглоблями, травили собаками. Я не стану предполагать, сколько тамошних сервов он перебил, чтобы выйти из лесов к порту, но он почему-то твердо уверен, что во всем виновата Московия, и намерен ее уничтожить.

– Как ты его называешь, если от слова «русский» он лишается рассудка?

– Ему нравится, чтобы его называли Магистром. У меня на корабле все так и поступают.

– Оно понятно, – кивнул мурза, опуская лук и переходя на русский язык: – Андрей жив, Магистр?

Тирц наклонился, пощупал окровавленной рукой привратнику пульс на шее, потом утвердительно кивнул:

– Жив. Я ему даже ничего не сломал.

– Зря! – зло выдохнул хозяин дома. – Он не должен пропускать в дом гостей с оружием.

– Расслабился...

– Сбрось его вниз, – неожиданно приказал мурза.

– Покалечится.

– Только смотри, чтобы на розовые кусты не упал, помнет.

Они встретились глазами: холодный взгляд безумного русского и злой, хищный – османского ставленника. На этот раз отступил гость:

– Дело ваше, – пожал он плечами, быстрым движением запустил пальцы привратнику под пояс шаровар, отступил к двери, крикнул, поднатужившись, и одной рукой перебросил того через перила балкона.

– Отойди в угол, – сипло приказал мурза, указывая Тирцу на дальнюю от дверей сторону комнаты.

Русский послушался. Хозяин дома бочком пробрался к выходу, выглянул наружу. Раб лежал точно на дорожке, между кустами цветущих желтых роз и голубым треугольником васильков. Оставалось загадкой – то ли безумец заранее прикинул, куда попадет, то ли слишком полагался на свою удачу.

Однако веселых гостей присылает к нему в дом друг Франческо! Если кто-нибудь еще заявится с письмом от давнего товарища – нужно будет сразу посадить на кол.

Впрочем, мурза все еще не мог решить, как поступить с этими – что устроили кровавую драку у него во дворце, но тем не менее называются друзьями. Может, напоить бриллиантовым кофе? Или приказать без лишних хитростей отрубить головы? А вдруг Франческо обидится? Может, у жадного, хитрого итальяшки имелась какая-то скрытая мысль, которую он, старый обленившийся толстяк, не удосужился разгадать?

– Фейха! – громко крикнул мурза во двор. – Поди сюда. И прихвати чистую тряпку. И мох сухой!

Он вернулся в комнату и наконец-то указал гостям на стол:

– Присаживайтесь, угощайтесь, – а сам открыл конверт.

Письмо оказалось пустым. Франческо просто писал, что помнит его, что желает счастья и здоровья, что надеется основать новый торговый дом, и если получится – пришлет вестника и попросит помощи в основании представительства в Крыму и Стамбуле. Писал, что молодой капитан Артур напоминает его в молодости, – но кто знает теплую и податливую Бетти, он вполне может оказаться и чужим семенем. Это означало, что за посаженного на кол купца Крочи и вправду может обидеться. А что касается русского...

Кароки-мурза оторвался от письма, стрельнув глазами поверх листа: плечистый гость жадно поглощал персики вперемишку с грушами и виноградом, но взгляд его оставался холодным и безразличным, словно душой тот находился в другом месте и ином мире.

По балкону затопали босые ножки, и к комнате вошла молодая черкесская невольница в полупрозрачных шароварах тонкого китайского шелка и большой грудью, выпирающей из-под широкой атласной ленты, перекручивающейся впереди.

– Перевяжи ему руку, – кивнул хозяин на русского.

Невольница опустилась перед гостем на колени, прикоснувшись грудью к его ноге, осторожно приподняла раненую ладонь, наложила на кровоточащее отверстие пук лечебного болотного мха, осторожно примотала длинной полотняной лентой. Англичанин не мог оторвать похотливого взгляда от смуглой спины рабыни, расширяющейся в крутые бедра, а вот русский... Для русского ее словно не существовало вовсе. Взгляд его не дрогнул и не потеплел ни на мгновение, рука не шелохнула в ответ на ласковые прикосновения ни одним пальцем.

– Так каковы ваши планы, дорогой Артур? – Голос хозяина дома заставил англичанина вздрогнуть.

– Я? – Он испуганно схватился за виноградную гроздь, облизнул алые губы. – Я хочу продать здесь привезенные из Испании ткани, купить русских мастеровых и перепродать их на север Италии. Надеюсь, выручки и накоплений за прошлый год хватит, чтобы заменить мой старый неф на что-нибудь более крепкое.

– Понятно, – шумно втянул воздух мурза. По мере того, как он успокаивался, к нему возвращалась старческая одышка. – Понятно. Жаль только, мой дорогой, хороших невольников в Балаклаве нынче не купить. Не купить...

Он надолго задумался – потом, встрепенувшись, продолжил:

– Я думаю, разгрузив судно, вам следует отойти и встать на якорь. Тогда не придется платить за стоянку. А самому тем временем отправиться в Мангуп-город. Туда ногайцы после прошлогоднего набега на Дон много невольников отогнали. Там и цена ниже окажется, и выбор больше.

– Так ведь гнать придется, – развел руками англичанин. – Одному не уследить.

– Тут я помогу, – кивнул хозяин дома. – Я, может, и не бей, но несколько мурз в Кара-Совских степях мне в преданности поклялись.

– Я буду искренне благодарен вам, Кароки-мурза.

– Скажи мне, Магистр, – повернул мурза голову к русскому, – почему ты так уверен, что сможешь уничтожить Московию? У тебя есть армия, у тебя есть преданные друзья или тебе известен заговор возле царя?

– У меня есть знание, – бросил, словно выплюнул, гость.

– Ты великий колдун или алхимик?

– Нет, я просто умный, – оскалился воин. – Я знаю, как победить Москву. Знаю слабое место.

– Не ты первый, – со вздохом покачал головой Кароки-мурза. – Немногим больше десяти лет назад в Бахчисарае сидел князь Бельский Семен Федорович и говорил то же самое. Обещал довести до самой Москвы и посадить на трон, дань наложить на всех от мала до велика и казну царскую выгresti досуха. И что? Только до Оки и добрались.

– Князь Бельский – выродок, предатель и идиот, – отмахнулся русский. – Все, на что хватало его мозгов, так это набрать толпу побольше, да забежать с неожиданной стороны. А мужик русский – он как медведь: с какой стороны ни забегай, а когтистую лапу схлопочешь. Россию не нахрапом брать надо, ее сперва вымотать потребно, чтобы сама потом упала. Чтобы сама смерти захотела, и оставалось подойти только, да добить.

– Это каким образом? – Мурза окончательно успокоился и наконец-то отложил лук. Но не далеко, на расстояние руки.

– Вот Девлет-Гирея встречу, ему все и расскажу.

– Боишься, как бы Московия не пострадала?

– Отчего? – не понял русский.

– Как отчего? – усмехнулся хозяин дома. – Ты только что говорил, что гибели Московии хочешь. А секрет ее живучести бережешь. Почему? Уж не боишься ли, что, узнав тайну, кто-нибудь и вправду уничтожить ее сможет?

– Тайну... – Воин отмахнулся от невольницы, облизнул пересохшие губы. – Тайну? Хорошо, коли сами готовы все сделать – так черт с вами, делайте. Только до конца дело доведите...

– Фейха! – Мурза понял, что сейчас прозвучит нечто, совершенно излишнее для посторонних ушей. – Ступай отсюда. На кухню иди.

Русский проводил ее холодным отрешенным взглядом, видя перед собой не человека или красивое тело, а всего лишь возможного соглядатая.

– Тайна... Тайна гибели московской проста, как батон за тринадцать копеек. На Россию нужно ходить набегами. Два раза в год, лет десять подряд, без передышек и послаблений. Один раз – ранней весной, во время посевной, чтобы не дать посадить хлеб. Второй раз – осенью, во время уборочной, чтобы не дать собрать то, что посадить-таки удалось. И на следующий год точно так же, и на следующий. В первый год, может, голода и не начнется. Но на второй или третий – наверняка. К четвертому-пятому русские начнут пухнуть и дохнуть, станут сами выбегать навстречу татарским коням и проситься в рабство. К десятому году они просто вымрут. Мы приедем туда теплой весной, пустим коней пастись на заросших травой пустых городских улицах, выберем себе лучшие дворцы и просто останемся там жить.

Англичанин громко сглотнул и принялся жадно пожирать яблоки, словно голод уже наступил. Мурза задумчиво сунул в рот уголок письма и заелозил им между зубами. Покачал головой:

– Ранней весной, после стаивания снега, земля сырая, размокшая. Войску по степи не пройти, завязнет. Осенью, после летнего жара, трава пересыхает, горит, как порох, коням есть нечего.

– А кто говорил, что будет легко? – рыкнул русский. – Для того армия и придумана, чтобы делать то, что нужно, а не то, что проще. Командир прикажет – и зимой, через снежную степь должны пойти.

– Лошади перемрут...

– С собой припас возьмите. Готовиться к походу нужно, а не просто так вперед чесать! – Гость внезапно остыл и махнул рукой: – Чего я тут распинаюсь? С Девлет-Гиреем говорить нужно, вам-то что...

– Вымотают такие походы конницу... – Мурза, спохватившись, сунул письмо за пазуху. – Каждый год по два раза, да в самое плохое время.

– Так воевать-то им не придется! – хлопнул ладонью по столу русский. – Никаких великих сражений и кровавых побед! По землям, главное, рассыпаться, рубить тех, кто зазевался, разгонять по лесам, кто удрать успеет. Не дать мужикам к сохе встать. Пусть по схронам и лесам посевную пересиживают. А коли еще и добычу татары прихватят – так то и лучше.

– Ну, полон какой-никакой всегда попадетсЯ, – кивнул мурза. – Найдут чего пригнать. Но вот время... – Он мотнул головой. – Ладно, тут подумать нужно, так сразу и не решишь. После-завтра сюда приходите. Как разгрузку закончите и неф на якорную стоянку уведете, тогда, милостью Аллаха, может, пойдем, как с вами поступить следует.

– Благодарю вас, Кароки-мурза, – поднявшись, поклонился купец.

Русский просто выпрямился, прихватив с собой яблоко, и покровительственно кивнул:

– Значит, до послезавтра?

– Да, – устало кивнул хозяин дома в ответ на грубость гостя. – До послезавтра.

Когда странные визитеры ушли, мурза налил себе из кувшина холодного кофе, выпил небольшую чашечку, затем вышел на балкон:

– Фейха! Коврик постели...

К тому времени, когда он неспешно спустился вниз, толстый войлочный коврик уже лежал неподалеку от того места, куда дикий русский сбросил нерадивого привратника: между зарослями шиповника и ароматными розами, на дорожке, указывающей на Стамбул и находя-

щуюся за ним Мекку. Андрея уже убрали, и мурзе мимолетно подумалось: интересно, остался ли тот жив после всего, с ним случившегося, или наконец добился для себя окончательного конца? Впрочем, сейчас у мурзы имелись дела поважнее, и воспоминание о покалеченном рабе быстро улетучились из его разума.

Хозяин дома подошел к бассейну, в соответствии с заветами Корана тщательно умылся, после чего опустил колени на коврик, наклонился вперед, слегка прикоснувшись губами к грубому ворсу:

– Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его...

Кароки-мурза свято исполнял все заповеди Пророка – хотя, может быть, делал это не столь рьяно, как положено истинному мусульманину. Пять раз в день он возносил молитву Богу – но делал это не каждые три часа, а утром и вечером: возносил две молитвы после рассвета и три – перед закатом. Он честно платил ежегодную очистительную милостыню – но отрывал от себя заметно меньше, чем мог. Разумеется, во время рамадана он с восхода до заката полностью воздерживался от еды, питья и красоток из своего гарема – но на святой хадж в Мекку так и не решился, раз за разом откладывая его на потом. Однако Господа, по всей видимости, вполне устраивало такое служение, поскольку именно во время молитвы султанского наместника в Балаклаве обычно и посещали наиболее удачные мысли.

Вот и сейчас, произнося негромкие слова молитвы, Кароки-мурза думал. Думал о Москве.

С этой далекой северной страной было связано само основание их нынешнего рода. Немногим более полутора веков назад его далекий предок, осевший на землях крымского полуострова обедневший генуэзский дворянин Крокко Виолетти, принес вассальную присягу тогдашнему хану Мамаю, во главе одного из отрядов итальянской пехоты, вместе с армянскими, осетинскими и черкесскими ополчениями при поддержке ногайской орды отправился в далекую Московию защищать право хана на титул царя, ныне утративший всякий смысл и затасканный множеством мелких крымских и астраханских ханов. Но на далеком Дону, на Куликовом поле, мамаевскую рать едва ли не начисто стоптала русско-татарская конница, приведенная московским князем Дмитрием.

Хитрый московский князь не просто разгромил своего законного сюзерена – он привел с собой посмотреть на это зрелище множество торговых людей как из южных стран, так и своих, русских. В результате, к тому времени, когда Мамай вернулся домой, здесь уже знали про его разгром – и не просто знали, а успели услышать в подробностях, с преувеличением бед в десятки раз. На недавнего правителя смотрели, как на чумного, поминутно боясь, что вот-вот прискачут закованные в железо московские или тохтамышские воины, и уволочут его на расправу пред грозные очи победителей.

С поверженным господином остались только верный клятве Виолетти да несколько ногайцев. Итальянец сразу понял, что на родине Мамаю покоя уже не предвидится, и направил письмо османскому султану с просьбой предоставить убежище, но трусливые татары, опасаясь гнева Тохтамыша, ночью зарезали хана, о чем сами же с гордостью и заявили. Кто были эти предатели? История затерла их имена. А Крокко Виолетти остался предан господину и после смерти Мамаю, не позволив тайно сбросить его в сточную канаву и устроив на остатки воинской казны пышные похороны, мало уступавшие по величию похоронам прочих родовитых правителей. Могильный курган поныне возвышается между Феодосией и Старым Крымом и носит гордое название «Шах-Мамай».

Вопреки уверенности трусливых шакалов, Тохтамыш не покарал преданного мамаевского слугу и сохранил за ним владения вокруг Кара-Сова, а турецкий султан прислал соболевания, кошель золота и приглашение на службу. Когда это было? Всего сто пятьдесят лет назад. В те времена владения османской империи составляли всего лишь узкую полосу на южном берегу пролива со звучным названием Дарданеллы. Подумать только: Османская

империя тянулась вдоль пролива от Средиземного моря до Черного полосой едва не в сотню верст шириной! Мог ли кто поверить тогда, что спустя двести лет эта империя раскинется от Адриатического до Каспийского моря, выйдет к берегам Персидского залива, поглотив в себя Болгарию, Грецию, Венгрию, Молдавию, Крым, Грузию, Курдистан, Месопотамию, Египет, что ее землями станет все африканское побережье Средиземного моря, острова Кипр, Крит – да и все прочие почти по всем ближайшим морям.

– Велик Аллах, всемилостивейший и всемогущий, велики его милости к преданным рабам его, – опять наклонился к коврику мурза.

Крокко Виолетти, назло своим соотечественникам, предавшим память хана, принял ислам, а назло бесчестным ногайцам – принес клятву верности далекому султану. Именно это правило оставил он своим потомкам: преданно служить султану не во имя господина, а назло соседям. Завет предка принес свои плоды спустя сто лет, когда галеры Великолепной Порты вошли в бухту Кафы и генуэзские колонии покорно превратились в крымский санджак. К этому времени имя «Крокко» постепенно преобразилось в более привычное османскому слуху «Кароки», но Османская империя не забыла рода, преданно служившего ей несколько поколений, и один из представителей династии Кароки неизменно назначался султанским наместником в Балык-Кае.

А вот московскому княжеству предательство на пользу не пошло. Его земли оказались надолго отрезаны от Черного моря владениями Литовского княжества и Астраханского ханства, и о его существовании напоминали только невольники, время от времени пригоняемые с Волги, да добыча лихих ногайских юношей, которые время от времени уходили в далекий поход через приволжскую широкую степь или Дикое поле, появившееся на месте бывших литовских владений.

– Велик Аллах, мудрость и справедливость его не знает границ, деяния его праведны и назидательны, а милость приходит к воистину достойным благодати.

Для Великолепной Порты Московии просто не существовало. Как не существовало Дании или Англии. Разумеется, мурзы знали про эти далекие земли, но какой в них смысл? Вот когда воины Оттоманской империи подберутся к городам этих стран – тогда и настанет пора про них узнать. А пока что сипахи и янычарский корпус доблестно перемалывали хвастливых немецких и французских рыцарей, храбрых, но неумелых венгров и литвинов, медленно и неуклонно сдвигая северные границы империи вглубь Европы, славянские вассалы и гази охраняли границу с Персией, не желающей смириться с потерей своих ближайших соседей, еще совсем недавно преданно плативших дань.

Однако маленькая далекая страна внезапно показала зубы, напав на неоднократно завывавшее Великую Порту в дружественности Казанское ханство. Премудрый Сулейман – да будут долгими его годы, – даже приказал крымскому хану пойти казанцам на помощь. Но, перейдя через Дикое поле, татары уткнулись в высокие стены Твери, на них налетела русская кованая конница... И казанского ханства больше не стало. Теперь возопит о помощи Астраханское ханство – но непобедимая армия султана завязла сразу в нескольких войнах на далеких границах империи, а крымский хан сидит в Бахчисарае и вспоминает прошлые победы.

Да, далекая Московия неожиданно превратилась в очень близкую головную боль. Если так пойдет дальше – то уже не янычары через несколько лет подойдут к границам России, как называл ее сегодняшней безумный гость, а русские сами появятся у рубежей империи. Впрочем, уже сейчас Османские владения отделяют от русских только Дикое поле да Ногайская степь. Падет Астраханское ханство – границы сомкнутся.

Мурза вознес еще одну молитву. Лишнюю – хотя, конечно, молитва Аллаху лишней не бывает. Но, может быть, Всемогущий объяснит, почему русский так упрямо желает иметь дело именно с Девлет-Гиреем?

– Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его...

Девлета Кароки-мурза вспомнил далеко не сразу – да разве просто упомянуть множество сыновей, рожденных в многочисленном ханском гареме? Девлет, словно назло Сахыб-Гирею, стремящемуся осадить кочевников на землю и даже построившему в степи несколько мечетей, вокруг которых предполагалось разрастание будущих городов, кочевал вместе с одним из ногайских родов, беem которых сделал его отец. Ходил в набеги. Сам – на черкесов, вместе с астраханскими ногаями несколько раз поднимался вдоль Волги и грабил московские земли. По приказу султана ходил на Тулу. Один из множества Гиреев, ничем не лучше и не хуже других.

Хотя... Хотя невольников на крымских рынках стало маловато. Сахыб-Гирей, не запрещающая подданным ходить в набеги на соседей, сам засиделся в столице, выбравшись из нее только дважды, когда отправлялся под рукой премудрого великого Сулеймана умирять взбунтовавшиеся молдавские земли.

Да, после купания в Оке Сахыб потерял интерес к военным походам. Десять лет назад, отправившись с князем Бельским покорять Москву, войско дошло до Оки, начало переправу. Но тут, непонятно откуда, появилась русская дружина – скорее всего, порубежный разъезд. Увидев исконных, ненавистных врагов, русские, не считаясь с их числом, ринулись в сумасбродную атаку, изрубили часть не ожидавших столь скорой сечи татар, а остальных загнали обратно в воду. Сахыб-Гирей, наравне с простыми воинами, переплыл Оку обратно, держась за гриву коня и благодаря Аллаха за то, что из-за жары не стал надевать доспеха, но все равно вдоволь нахлебался мутной воды.

Татарская орда простояла тогда на своем берегу несколько дней. Русские воеводы за это время успели подвести еще несколько дружин, разбили воинский лагерь. А когда Сахыб-Гирей увидел, что они подвозят еще и пушки, – хан повернул назад.

– Да падет гнев Господа на головы неверных, и да пребудут победы с войском великого султана...

Да, после купания в Оке Сахыб-Гирей потерял интерес к походам. И он не станет вести войска через Дикое поле дважды в год в самую что ни на есть распутицу.

План русского по разорению Московии казался мурзе вполне осуществимым. Более того, план этот всеми своими деталями полностью отвечал интересам Великолепной Порты. Он позволял избавиться от набирающего силу, крайне опасного империи врага, он не требовал присутствия султана и привлечения лишних войск. Этот план можно было бы осуществить силами крымского вассала, силами ханства...

Кароки-мурза понял, что Аллах внял его молитвам и вложил в слабый разум нужную мысль: разорение и уничтожение Московии необходимо. Оно полезно Османской империи и угодно Богу. Мурза, кряхтя, поднялся и заметил, что одышка опять исчезла – значит, Аллах дарует ему силу для осуществления замысла. А голове по-прежнему роились мысли, постепенно укладываясь одна за другой в стройный план.

Сахыб-Гирей неспособен вести долгую изнурительную борьбу против скрытого за Диким полем врага. Значит, нужен более молодой, энергичный и властный хан. Хан, у которого хватит терпения на протяжении десяти лет раз за разом упрямо поднимать татар и гнать их через раскисшую степь к московским рубежам. Делать это несмотря ни на что, настырно и безраздумно.

Перед мурзой сразу появился образ русского, широкоплечего, ненавидящего, тупо устремленного к уничтожению Московии – и умеющего, надо сказать, отважно драться. Этот действительно станет раз за разом накатываться на московские земли, пока его не убьют или пока он не добьется своего. Он станет атаковать Московию, даже если ему придется идти через Дикое поле в одиночку. Что же, Сулейман Великолепный приветствует в мудрости своей привлечение на службу Блистательной Порте любых иноземцев, будь они хоть трижды иноверцами, лишь бы честно исполняли свой долг. Но вот татары... Татары могут не признать над собой власти русского, эти дикари не умеют чтить приказы и уважать волю султана. Им нужен правитель из наследных ханов...

Мурза поймал себя на том, что по-прежнему стоит у молитвенного коврика и смотрит в сторону далекой Мекки. Он пригладил тонкую длинную бородку, повернулся и неспешно пошел к бассейну.

Наследный хан... Помнится, русский хотел Девлет-Гирея? Хорошо, будет ему Девлет-Гирей! Власти султанского наместника в Балаклаве вполне хватит, чтобы заставить никому не известного степняка прислушаться к своей воле. Девлет-Гирей станет ханом, русский – калги-султаном. И посмотрим, чего им удастся добиться за ближайшие пару лет. Если ногайские орды не будут разбиты в ближайшие походы, тогда он, Кароки-мурза, лично отправится в Стамбул, припадет к ногам султана и изложит ему свой план, сразу похваставшись первыми успехами. И тогда, милостью Аллаха, он вернется назад с фирманом для Девлета на крымское ханство. Давно пора сместить обленившегося Сахыб-Гирея. И коли такое случится... Мурза зачерпнул из бассейна прохладной воды и ополоснул разом разгоревшееся лицо. Коли такое случится, то крымским пашой – наместником в Кафе, или Малом Стамбуле, как ее начали в последнее время называть, – то крымским пашой наверняка будет назначен тот, кто сможет более умело распорядиться своим постом, и сможет приумножить славу империи, действуя руками всего лишь одной из ее провинций.

Кароки-мурза снова омыл лицо и поднял глаза к стремительно темнеющему небу. Наступала ночь – но одышка исчезла вместе с усталостью, а желания посетить гарем не возникало. Мурза понял, что не успокоится, пока не напишет несколько писем: охранную грамоту для безумного русского, подробное письмо с обещанием милостей в обмен на доверие к посланцу Девлет-Гирею, и еще одно письмо, которое русский отвезет Девлету сам. Кроме того, нужно вызвать Кара-мурзу и Алги-мурзу со своими нукерами из Кара-Сова. Пусть проводят русского до ногайских кочевников, не то он со своим больным разумом наверняка зарубит кого по дороге – устроит кровавую сечу, да и сам в ней пропадет. Нет, пусть выплескивает свое безумие на русскую границу – там ему и место. Как его звали? Магистр? Странное имя, странный воин.

Сегодня же отпишет грамоты, утром разошлет их с гонцами, а потом останется только ждать...

Кароки-мурза внезапно остро пожалел, что назначил визитерам встречу на послезавтра, а не на утро. Уж слишком сильно влияла на разум османского чиновника итальянская кровь – и ждать он очень, очень не любил.

Глава 2

Граница

Миновав последний на своем пути шумный ямской двор, обоз втянулся в густые лесные дебри. Могучие ветви дубов и ясеней дотягивались друг до друга даже через широкий, саженей в шесть, хорошо накатанный тракт, застилая небо, и для путников наступили сумерки. Наверное, именно в таких чащах и должны обитать лешие, бабы-яги, анчутки, царь-змеи, соловьи-разбойники и прочая нечисть, а также водящие с нею дружбу душегубы-станишники. Обживают глубокие дупла десятиобхватных дубов, ставят схроны на развилках столетних берез, устраивают тайные селения в за темными непроглядными зарослями густых ельников – чтобы ночью али днем прокрасться к живой дороге, дожидаться несчастного путника, да сожрать-огрabitь-утащить, не оставляя от несчастного даже косточки.

Однако обозников мало беспокоили обитатели леса – что живые, что заколдованные. Потому, как впереди отряда ехали пятеро бояр в полном своем ратном вооружении: в панцирях и бахтерцах, поверх которых у двоих были надеты зеркала, в шеломах и мисюрках, каждый со щитом у луки седла, рогатиной у другого стремени, с саблей и кистенем на поясе и саадаком с луком и стрелами на крупе коня. Всякому смертному известно, что русского витязя и одного любой соловей-разбойник или баба-яга испугается – а тут целых пятеро!

Причем бояре составляли не единственную защиту обоза. Позади, за небольшим табуном из двух десятков лошадей, скакали еще пятеро оружных смердов. Эти, лентяй из-за жары, доспеха не надевали, но сабель и рогатин, кистеней и топоров не скрывали. У едущих на телегах молодых парней тоже либо за поясом, либо рядом, под рукой, поблескивало по топору. Трясущиеся на некоторых телегах бабы, правда, воительниц изображать не пытались, но у единственной всадницы, – стройной, синеглазой, остроносой девушки, – у луки седла, перед левым коленом, болтался саадак с угольно-черным луком, а по правую сторону висел плотно набитый стрелами колчан. Из прочего оружия у нее имелся только большой косарь, свисающий с тонкого плетеного ремешка на желтой металлической цепочке. Скорее всего, не золотой – драгоценный металл мало подходит для воинской sprawy.

Напади лесные обитатели на подобных путников – скорее, не добычу они получат, а лес очистится на долгие годы от дурной славы. Потому и не беспокоился никто из обозников, глядя по сторонам, потому и не слышалось вокруг ни подозрительных перестуков, ни выкриков неурочных птиц. А может, просто дело свое воевода тульский делал честно и давно извел в округе и дурных людей, и дурную нежить.

Провиляв верст десять по лесу, дорога неожиданно уперлась в пологий вал, из которого в южную сторону торчало множество заточенных бревен, и повернула вправо. Один из бояр, легко прищелкнув плетью коня, взметнулся на вал, закурился на месте, изумленно присвистнув.

– Чего там, Гриш? – окликнули его товарищи.

– Рожон натуральный! Да частый такой, что и пешему не пройти. А лошадь точно брюхо распорет. На совесть вкопали. Коли рубить или выкапывать – дня два уйдет. А там дальше, – он махнул рукой в сторону леса, от края которого вернулся, – завал сделан, вроде бурелома. Лучше не соваться.

Всадник вернулся на дорогу, и остановившийся было обоз двинулся дальше. Еще пара часов пути – и впереди показались островерхие крепостные башни Тулы.

– Может, здесь переночуем? – предложил один из всадников, из-под шелома которого на лоб выбилась рыжая прядь.

– А что, нам спешить некуда, – пожал плечами тот, которого называли Гришей. – Давайте здесь встанем.

– Давайте, – согласился еще один боярин, и обоз, свернув с дороги на некошенный луг, начал сворачиваться в круг.

За время долгого пути люди уже привыкли устраиваться на ночлег, а потому действовали быстро и привычно: десяток смердов отправились к ближайшему леску за валежником, остальные принялись отпускать привязанных к некоторым телегам коз и коров, распрягать коней. Бояре, не отвлекая людей от работы, сами расстегнули подпруги, сняли седла и потники, освободили коней от уздечек.

Вскоре над лугом, к которому еще только подкрадывались сумерки, запылали несколько костров, запахло жареным мясом, послышались веселые голоса, женский смех, заглушаемый всхрапыванием лошадей, по-кошачьи кувыркающихся в свежей траве. С наступлением темноты все звуки затихли, а под первыми лучами солнца, не тратя времени на разведение костров, путники перекусили оставшейся с вечера холодной убоиной, и вскоре обоз, оставив после себя изрядно вытопанную проплешину, вернулся на торную дорогу. Солнце еще не успело высушить росу на зеленых листьях, когда первые телеги загрохотали по ведущему к городским воротам мосту.

– Эй, кто такие?! – забеспокоился стрелец, увидев на дороге довольно сильный отряд, да к тому же при оружии, и перехватил бердыш горизонтально, перегораживая проход.

Услышав тревожный окрик, из караулки появились еще трое заспанных, но при оружии и в тегиях воинов.

– Бояре Батовы с имуществом своим и дворней! – во всю глотку, чуть не на полкрепости, проорал Григорий. – В поместья свои едем, государем Иваном Васильевичем нам дарованные!

Впрочем, ему действительно было чем гордиться: отныне он и его братья являлись не просто оружными людьми, выставляемыми их отцом, Евдокимом Батовым, согласно реестрового списка, наравне со смердами или просто наемными людьми. Отныне они сами имели землю, данную им на кормление, и сами приходили по призыву, приводя с собой *своих* людей, живущих под их волей и присягающих им на верность. Бояре – люди, с которых Русь и государь не берут тягла и не требуют иных повинностей, которым самим ежегодно приплачивают по три рубля золотом в обмен на одно-единственное обязательство: в любой момент сесть в седло и помчаться на битву с врагами Отечества, откуда бы они ни появились, и как бы ни были сильны.

– Где имения-то? – уточнил стрелец, опуская бердыш острым стальным оковьем на землю.

– У Донеца и на Осколе.

– А-а, – кивнул, сторонясь, караульный, и только после того, как красующиеся воинской выправкой и боевым вооружением бояре проехали мимо, негромко добавил: – Изюмский шлях... Молодые совсем все.

Богатый торговый и ремесленный город еще толком не проснулся – лишь редкие лавки только-только раскрывали ставни и выставляли прилавки, по улицам еще не ползали груженные повозки, не сновали во множестве целеустремленные люди. Потому обоз пересек крепость от ворот до ворот немногим более, чем за полчаса, и вскоре выехал на тракт по другую сторону Тулы.

Вокруг шелестели точно такие же луга, как и вчера, раздвигали в стороны толстые, прочные ветви дубы, вонзались в небо, подобно пикам, островерхие ели. Однако что-то неуловимо изменилось, отчего люди снимали шапки и крестились, сбивая разговоры и подавляя смех. Хотя, конечно, изменение произошло не вокруг, а в душах людей – ибо они не могли не понимать, что покидают исконные границы земель Московского княжества, выезжая в места, которые всего пару десятилетий назад считались Степью – владениями крымчан и татар, отбитыми ими у Литовского княжества и разоренными до того, что не осталось в них живой человече-

ской души, а потому и название за здешними землями установилось красноречиво-пугающее: Дикое поле.

Оружные смерды посерьезнели, кое-кто даже забрал с телег добротные дедовские колон-тари или собственноручно простеганные и вываренные в соли для дальней дороги тегилiai. Часть из них, оставив табун под присмотром четырех витязей, выдвинулись вперед и там, где появлялась возможность, скакали по сторонам обоза, внимательно вглядываясь в окружающие луга, заросли кустарника и стену подступающего к самому тракту леса.

Между тем, дорога невозмутимо петляла между холмов, там, где не было обхода – лезла вперед, переваливая пологие возвышенности, пересекала по бревенчатым мостам неширокие реки и ручьи. Именно мосты одним своим видом постепенно успокаивали путников: раз мосты на проезжей дороге появились – стало быть, под рукой Москвы земля оказалась. Любая местность, войдя в состав быстро разрастающейся Руси, в считанные годы преображалась, расцветая и богатея на глазах. Государь Иван Васильевич сразу снижал налоги, отменял татарское и европейское рабство, поощрял строительство мануфактур и заводов. И первым признаком превращения иноземных владений в русские становилось строительство повсюду мостов, а затем и появление ямских станций, с незапамятных времен ставших отличительным признаком именно русских дорог.

Час проходил за часом, солнце медленно пересекало небосклон – а обоза никто не трогал. Смерды постепенно успокаивались, доспехи вскоре перекочевали обратно на повозки, щиты снова повисли на седельных луках. Никто не покусился на перевозимое добро и на второй день, и на третий, и на девятый. Около полудня десятого дня на путников дохнуло родным для обитателя Северной Пустоши запахом: тракт уперся в заболоченную равнину и принялся огибать ее, потихоньку заворачивая к западу, затем уткнулся в густой бор, повернул снова на юг и впереди, на пологом холме, оказалась могучая деревянная крепость. Стены ее поднимались на высоту не менее трех человеческих ростов, и из направленных вдоль стен амбразур хищно смотрели пушечные стволы.

– Елец, – понял Григорий Батов, размахисто перекрестившись на висящую над воротами икону.

Здесь дорога проходила не через город, а под стенами, под присмотром явно немалой артиллерии, но проехать так просто, как через Тулу, не удалось – из ворот выметнулся конный разъезд в полтора десятка бояр и ринулся за обозом в погоню. Слова старшего из братьев воеводе оказалось мало, и ему пришлось показать ввозные грамоты. Только после этого тот смягчился, пожелал хорошей дороги и посоветовал, прежде чем занимать земли, явиться в Оскол, к тамошнему воеводе боярину Шуйскому – дальнему родичу опальных князей.

Снова потянулась дорога. Поскрипывали колеса, проплывали мимо леса, и смерды, загибая пальцы, старательно пытались определить – это какого же размера их родная Святая Русь? Три дня они пробирались с Оредежа к Новгороду. Потом почти двадцать дней – от Новгорода до Москвы. Два дня Москву огибали, потом еще двенадцать дней пути от столицы до Тулы, десять – до Ельца, а конца пути так и не видать. И поневоле вспоминались набеги на соседнюю Ливонию, которую вдоль и поперек конному за пару дней проскочить можно. И как только схизматикам ума не хватает веру истинную принять, да под руку великого государя пойти? Тогда и про войны навеки забудут, и про вековую дикость свою. Будут честно трудиться, жить спокойно, да детей растить – чего еще человеку нужно?

Лесов вокруг становилось явно меньше, однако и степью эти места назвать язык не поднимался – еще бы, если в Северной Пустоши везде, куда ни кинь взгляд, колышутся леса, между которыми местами попадаются проплешины выпасов и полей, иногда встречаются огромные незаросшие пространства, вроде Кауштина луга, но всегда – в окружении лесов. Здесь, скорее, островами стоял лес, и даже самую густую и огромную рощу рано или поздно можно было объехать кругом по полям и лугам – но земель леса пока что занимали ненамного меньше, чем

в родных северных местах. Вот разве топи и болота встречались куда как реже, и каждую вязь путники встречали, как старого друга.

Еще восемь дней тянулась дорога, постепенно становясь все уже и под конец превратившись в одинокую колею с высокой травой, покорно лежащей меринам под копыта. И вот впереди, на широкой прогалине между россыпью крутобоких холмов и узкой прозрачной рекой опять показались рубленные в лапу крепостные стены.

– Кто такие, откуда? – строго спросили с надвратного терема, и Григорий Батов в очередной раз с гордостью сообщил:

– Бояре Батовы с имуществом своим и дворней! Едем в свои поместья, дарованные государем Иваном Васильевичем. А в Оскол к вам повернули, дабы воеводе Шуйскому доложиться. Он, сказывали, государем поставлен над здешними землями за порядком следить.

Сверху ничего не ответили, но ворота, скрипнув, растворились, и обоз втянулся внутрь.

В отличие от древнего Копорья, с его высоченными стенами, сложенными из крупных валунов, но тесным, узким двором, здесь рассчитывали в основном на Большой наряд, тюфяки и пищади которого стояли по шесть стволов в каждой башне, а стены не превышали в высоту трех человеческих ростов: все равно ни один воин в здравом рассудке, что с лестницей, что без нее, на крепостную стену ни в жизнь не полезет – убьют. Зато двор был широкий и свободный: не считая высоких навесов над сеном, сметанным в высокие – под стать башням, – вытянутые в длину стога, и таких же высоких и внушительных амбаров, почти все внутреннее пространство крепости пустовало. Хотя наметанный глаз боярина сразу подметил начисто вытоптанную землю, плотную, как камень, и пустующие навесы с загородками у дальней стены, рассчитанные на многие сотни лошадей. Не слышно было и мычания коров, похрюкивания откармливаемых к общему столу кабанчиков.

Больше всего Оскол напоминал Свияжск – крепость, построенную государем неподалеку от Казани после первого, неудачного похода. Она предназначалась для отдыха идущих на Казанское ханство войск и сохранение их припасов – и после ухода рати выглядела именно так. Еще в глаза бросалось малое число одетых в тегилы стрельцов и большое – кованых в железо бояр. На севере порубежные крепости состояли в основном из стрелецких отрядов, а бояре собирались только на смотр, либо в поход на неправильно ведущих себя соседей.

Изба воеводы так же мало напоминала втиснутое на свободное пространство жилище – это оказался добротный дом в два жилья, крытый толстой дранкой и окруженный высоким частоколом, отрезающим от пространства крепости еще один, внутренний двор.

Обоз въехал в никем не охраняемые ворота, останавливаясь вдоль внутренней стороны тына. Бояре выждали за воротами, пока хозяин дома выйдет на крыльцо, после чего спешились и вошли, ведя коней под уздцы – демонстрируя тем самым уважение воеводе.

Дмитрий Федорович Шуйский больше походил на думского боярина, нежели на воеводу: упитанный, с солидно выпирающим вперед брюшком. Одет он был в красные шаровары, опускающиеся до самых войлочных тапочек, и шелковую рубаху, поверх которой накинута отороченная горностаем алая суконная душегрейка. Глаза смотрели хитро, с прищуринкой, невольно вызывая в собеседнике ответную улыбку. Еще довольно молодой, лет тридцати, он наверняка получил воеводское место на кормление не за заслуги, а чьими-то хлопотами. Поскольку Шуйские уже давно жили в опале – получил несколько лет назад. Как это часто бывало, про ставленника крамольников, занимавшего не очень доходную, но хлопотную волость, забывали до тех пор, пока с делами своими он справлялся хорошо, жалоб на него много не шло, и мороки своему приказу он не доставлял.

– Рад видеть, гости дорогие, – приложил он руку к груди и слегка наклонился. – Входите, откушайте с дороги, чем Бог послал. Эй, Мажит! Отведи обозников в трапезную стрелецкую, пусть покормят.

– Слушаю, боярин. – Босой татарчонок лет пятнадцати, выкатившийся из-под небольшой скирды, вскочил на ноги, поклонился, и принялся махать руками, зовя смердов за собой: – Быстрее, быстрее идите, коли холодного жевать не любите. Обедали недавно в крепости.

Бояре же, сняв шеломы, перекрестились и следом за воеводой вошли в дом.

В трапезной две раскосые невольницы в легких сарафанах торопливо обмахивали стол тряпками. В воздухе висел сочный запах жаркого, отчего у гостей моментально засосало под ложечкой.

– Сейчас, – усмехнулся в бороду воевода. – Сейчас пироги принесут. Так какими судьбами занесло вас в порубежные земли, бояре?

– Милостью своей государь Иван Васильевич, – перекрестился Григорий Батов, – дай Бог ему долгие лета, даровал нам поместья на землях корочаевских. Туда и едем. Варлам, дай ввозные грамоты.

Рыжий кудрявый витязь лет двадцати пяти раскрыл скромную холщовую сумку, свисающую с плеча, и протянул воеводе несколько свитков. Дмитрий Шуйский сдвинул их на край стола, освобождая место для блюда с пряженцами, потом принялся по очереди разворачивать:

– Та-ак... По левому берегу Оскола... Боярину Григорию Батову...

Он поднял глаза на гостей. Григорий поднялся, поклонился. Несколько секунд воевода всматривался в его лицо – голубые глаза, темно-каштановые прямые волосы, острый подбородок, проглядывающий сквозь редкую бороду, – потом спросил:

– Старший, что ли?

– Старший с отцом на старом поместье остался, Дмитрий Федорович, – поправил его гость. – Я второй буду.

– Хорошо, – кивнул боярин Шуйский и взялся за второй свиток. – Земли корочаевские... Деревни Снегиревка и Рыжница, и между ними... Сергею Батову.

Поднялся и поклонился, пригладив густую и окладистую не по возрасту бороду, боярин в бахтерце, удивительно схожий с братом.

– Добрые места получил, – кивнул воевода и спохватился: – Вы угощайтесь, гости дорогие, не меня не смотрите. Обедали мы недавно. На снесь сию ныне и смотреть не могу.

Потом развернул третью грамоту:

– Земли корочаевские, по правому берегу Дона... Боярину Варламу Батову...

Поднявшийся Варлам выглядел словно чужаком среди прочих Батовых: рыжий, курчавый, лопоухий, с бесцветными глазами, заметно выше ростом, но более узкоплечий.

– А это жена моя, боярыня Юлия, – указал он на остроносую девушку, оказавшуюся единственной всадницей в обозе. Голову боярыни не по обычаю вместо убруса укрывал немецкий бархатный берет с одиноким разноцветным пером. Женщина, правда, предпочла бы ходить и вовсе простоволосой – но в теперешней Руси это считалось немалым позором. Юбок бывшая спортсменка так же не переносила, поэтому носила шаровары из тонкой шерсти, уходящие в низкие яловые сапожки. Естественно, и над шароварами укрывал стройное тело не привычный вышитый русский сарафан, а черный шелк еще неизвестной в этом мире блузки, сшитый дворовыми девками Евдокима Батова частью с помощью боярыни, частью – как сами умели. Поэтому ворот блузки застегивался сбоку, как на косоворотке, и рукава были не вшитые, а выкроенные вместе со спинкой и передом. Зато на груди алела умело вышитая роза.

– Татарка, что ли? – удивился воевода.

– Сам ты татарин! – моментально вскинулась женщина. – Да я тебя раз в пять русее!

– Да не хотел я тебя обидеть, помилуй Бог, – отмахнулся обеими руками Дмитрий Федорович. – Да и чем? У меня половина друзей на татарках женаты! Кто себе знатного рода сосватал, кто в походе в полон взял. Да еще казаки, что ни год – турецких и татарских ясырок на продажу приводят. Многие поначалу для хозяйства да баловства покупают, а потом, глядишь, и прикипают.

– Я, что, похожа на рабыню? – поднялась во весь свой рост Юля.

– Боже упаси, – опять отмахнулся боярин Шуйский. – Но больно платье на тебе странное. Я из всего наряда только шаровары татарские ранее видывал.

– Берет немецкий, кофта китайская, штаны татарские, сапожки датские, начинка русская, – чуть не продекламировала Юля.

– Доходчиво рассказываешь, боярыня, – миролюбиво улыбнулся воевода. – К нам тут намеренны, опять же, китайские купцы забредали. Тюк шелка за золото оставили. Правда, белый он, не такой, как у тебя.

– Так покрасить можно, – сбилась на хозяйственный совет Юля, и как-то само собой получилось, что ссора угасла. Настроения ругаться больше не было. – Ягодным соком или чернильными орешками, – добавила она, опускаясь обратно на скамью, взяла с блюда румяный пряженец и вонзила в жареный пирог свои крепкие зубы.

Остальные Батовы никакой обиды от предположения Дмитрия Шуйского не ощутили – они прекрасно знали, что русские рода испокон веков роднились с татарскими, и велось это еще с той незапамятной поры, когда в степях кочевали половцы и хазары.

– Земли корочаевские от реки Ерычки с деревнями Кочегури и Малахово... Анатолию Батову...

Едва не подавившись пирогом, поднялся витязь в колонтаре и зеркалах, больше похожий на старших братьев Григория и Сергея. Поклонился.

– И... – развернул воевода последнюю грамоту. – От речки Ерычки с деревней Головешка... Боярину Николаю Батову.

Самый младший из братьев, всего шестнадцати годов, был закован в куяк и зеркала, борода у него еще не росла – но, судя по бесцветным глазам и рыжим кудрям, лет через десять он должен был стать точной копией брата Варлама.

– Да, – сложил грамоты обратно на край стола воевода, кивнул гостям, чтобы забирали. – Даже не знаю, что и сказать. Поместья вам государем даны обширные. Получи вы такие под Рязанью, враз с родовитыми князьями на одну ногу бы поднялись. А здесь... Даже и не знаю, за доблесть, али в наказание такую награду получили. Небось, отличились недавно, бояре?

– Да по весне в Дерптское епископство прогулялись, – признал боярин Варлам. – Вернулись с добычей...

– Епископство? – удивился воевода. – Это где?

– Лифляндские земли, – уточнил Григорий Батов. – Ливонский орден там обосновался.

– Это у Варяжского моря, с Литвой рядом? Понятно, – усмехнулся боярин Шуйский. – Что сказать хочу? Схизматиков ощипать – дело нужное и богоугодное. Потому как здешние басурмане хоть честно говорят, что Аллаху своему молятся, а эти нехристи имя Господа нечестивыми устами пятнают, имя сына Его, муку за нас принявшего, позорят, ересь свою Им прикрывают...

Воевода несколько раз перекрестился и еле слышно пробормотал молитву.

Гости его тоже перекрестились и откинулись от стола, позволяя турецким невольницам заменить почти опустошенные блюда округлыми серебряными подносами, щедро заполненными сочащимися жирным соком кусками мяса и крупными ломтями какой-то птицы, запеченными до румяной корочки.

– Вот оно, значит, как, – продолжил хозяин дома, на этот раз не утерпев и взяв себе жирную ножку, обтянутую золотистой кожей. – По делам и награда. Дело сделали святое, потому и поместья получили богатейшие. Но за то, что соседей, будь они трижды прокляты... Хотя и так им гореть в аду. За это поместья получили вы не у Рязани, я здесь, в самом сердце Дикого поля. Удадь свою теперь казать можете невозбранно, все одно Руси на пользу пойдет.

Воевода неспешно обглодал мясо, отработанным движением кинул кость в окно, из-за которого немедленно донеслось жадное рычание и приглушенное собачье тьяканье.

– У вас, бояре, – указал он на Варлама и Григория, – немногим более четырех сотен чатей пашни поднято, у остальных по пять. Стало быть, на смотр и в поход выставять надлежит по пять оружных всадников в полном доспехе и с оружием... Ну, да это вы сами знаете. По одному ратнику со ста чатей. Первый год я с вас этого требовать не стану, но к следующей осени спрашивать начну по всей строгости. Что еще? Заезжих с Дикого поля без разбора не рубите. Среди них иногда купцы попадают. Да и сами татары не всегда со злом идут. В Крымском ханстве, почитай, через год на два голод случается. Вот многие и бегут, не выдерживают. Еще казаки донские наезжают, дуваном да ясырем торговать. Продают дешево, больше на хлеб меняют, который сами сажать ленятся. Но для хозяйства мало чего нужного привозят. Все больше золото всучить норовят, да оружие и доспехи турецкие. Ясырь еще пригоняют, девок, баб, невольников. Девки брать у них еще можно – им деваться некуда, – а мужиков нельзя. Бегут, нехристи. До дома слишком близко.

– Это не те казаки, – положив в рот последний кусочек мяса и тщательно облизав пальцы, спросил боярин Григорий, – что по осени у нас Выборг вместе с московской ратью брали?

– Могли быть и они, – согласился воевода. – Казаки в московское войско с охотой нанимаются. Чай, христиане, православные. Они, хоть и станишники, в наших землях никого не трогают, можете не опасаться. А коли и захотели бы, то и не смогут. Они ведь завсегда османов грабят. Крым, Валахию, Грузию. Под Трамбон и Стамбул иногда заплывают, – боярин Дмитрий Федорович довольно улыбнулся и потянулся еще за одним кусочком птицы. – Там балуют, здесь добычу продают. Коли тут захотят чем поживиться, то путь в московские земли навсегда для себя закажут. А в Османию свой дуван им везти бесполезно, их там, кроме острого кола в задницу, ничего не ждет. Не осталось на здешних землях, бояре, никого, кроме нас – Руси Святой и Оттоманской империи. А значит, все прочие мелкие племена решить должны, к кому примкнут, и служить вовеки честно и преданно. Потому как, коли метаться начнут – мы их враз в две руки задавим. Вы про это, бояре, помните. И коли кто под руку государю нашему проситься придет, привечайте. Или к себе на землю сажайте...

Дмитрий Федорович задумался. Так получалось, что приехавшие с ввозными грамотами братья сядут на землю от Донца до Оскола – аккуратно поперек печально известного Изюмского шляха. С одной стороны, это хорошо: родичи, друг за друга стоять станут, не предадут, через соседские земли врага не пустят. Будет лишний заслон между Осколом и Диким полем. День-два простоят – и то дело великое. Крепость к осаде подготовить можно, волость исполнить, смердов укрыть. Да только... Только ходят татары по Изюмскому шляху зачастую не сотней-другой, а многотысячными ордами.

Воевода вздохнул, объел белое мясо и закончил:

– Земли у вас, бояре, будет много, а вот людей – мало.

– Кое-кто из смердов с нами приехал, – похвастался надтреснутым голосом Николай. – Из Отцовского поместья.

– Много? – наострил уши царский наместник.

– Не очень, – вздохнул Григорий. – Холопов, что в закупе еще несколько лет быть должны, отец пятерых послал. Две девки дворовые увязались, смердов около десятка, что при отцах жили, а сами ни в крепостные садиться не спешили, ни дела пытаться никуда не уходили. Мы им здесь землю любую на выбор пообещали, сколько захотят, да подъемные. Ну, и еще шесть семей молодых – смерды с женами решились тоже на новые места податься. Чтобы и земли, сколько взять смогут, и детям, куда расширяться, место имелось. Никита, сын кузнеца нашего, с женой и малышом тоже поехать согласился. Уж не стану и признаваться, что мы ему пообещали.

– От податей и оброка освобождение, пока работать сможет, – ухмыльнулся воевода, знавший цену хорошему кузнецу, и хитро прищурился: – Стало быть, четверо молодых, неженатых бояр в нашей волости появилось? То-то девки обрадуются! Вы как, погостите в Осколе пару дней, али дальше двинетесь?

– Дальше, – решительно хлопнул ладонями по столу Григорий Батов. – Не терпится мне землю свою увидеть.

– Дальше, так дальше, – не стал спорить воевода. – Завтра к полудню и доберетесь. Вы, как я понимаю, братья? Стало быть, землю, согласно ввозных грамот, сами поделите, не поделитесь? Тогда я с вами не поеду, боярина в сопровождение дам. При нем межи поставите, а мне потом отпишете, что споров нет. Согласны?

Батовы переглянулись и закивали.

– Фекла! – крикнул боярин Шуйский. – Кваску гостям принеси, угощение запить! И Сергей Михайловича мне позови!

Спустя полчаса объевшиеся до приятной тяжести в животах люди запрягли так же неплохо подкрепившихся лошадей в телеги, подтянули скакунам подпруги, после чего обоз развернулся в длинную ленту и пополз в сторону ворот. Военский отряд увеличился теперь еще на пятерых витязей: к нему присоединился боярин Сергей Михайлович Храмцов со своими одетыми в тегилии смердами.

Сам боярин тоже не мог похвастаться богатым доспехом – его защищал только куяк, сверкающий нашитой на суконную основу стальной чешуей, да остроконечный шишак с кольчужной бармицей. Остальная справа была обычной – лук, сабля, рогатина, шестопер, два заводных коня. Да иначе и невозможно – иначе воина никто на смотр не пустит, службу не зачтут, поместья лишат... Одним словом, не допустит никто, чтобы боярин без достаточного оружия под рукой оказался.

– А что, боярин Сергей, – поинтересовался Григорий Батов. – Смотр был у вас недавно, исполчали волость, али всегда бояре при воеводе службу ратную несут?

– Нельзя у нас иначе, боярин, – не смог сдержать зевков кареглазый витязь и только прикрыл рукой рот, да погладил растерянно русую – в цвет волос – бороду. – Дозоры постоянно приходится в степь рассылать. Разъезды порубежные. Татары шалят. Не дай Бог не успеем хоть за день о подходе орды к крупной деревне предупредить: половину поместий враз обезлюдят. Я еще ладно. Моя деревня, Герасимовка, за Осколом, к ней мимо крепости особо и не пройдешь. А кто по эту сторону, кто справа или слева – беда для них случится страшная, коли вовремя не сообщить. Как басурман увидим, сразу костры сигнальные палим, вестников посылаем.

– И куда люди прячутся?

– Кто вблизи чащобы непролазной живет, в нее уходит, в схронах отсиживается. Кто ближе к крепости, в Оскол, под защиту стен со скотиной собираются. Некоторые в боярских усадьбах отсиживаются, где стены крепкие. Татары ведь налегке сюда приходят – украсть, что плохо лежит, да людей зазевавшихся сцапать. Машин стенобитных у них нет, пушек тоже. Стены копать или калить они не умеют, навеса толкового от стрел и камней поставить – тоже. Поносятся неделю-другую из стороны в сторону, да назад тикают, пока воевода волость исполчить не успел, да кованую конницу на них вывести.

– Две недели? – не поверил своим ушам Батов. – Пошто так долго? Нас Семен Прокофьевич за три дня на коней поднять успевал, а на четвертый уже в сечу вел.

– Ты не сравнивай, боярин, тупоголовых схизматиков и татарвье хитрое, – покачал головой боярин Храмцов. – Коли орда пришла – враз по всем дорогам рассыплется, ни пройти, ни проехать. Приходится близким соседям в усадьбе покрупнее собираться, а потом малой ратью дальние усадьбы объезжать. Одно хорошо: трусливы татары, как мыши. Коли меньше их, чем пятеро на одного – от одного русского вида разбегаются.

– Так вы постоянно исполченными живете, или в усадьбах? – запутался Григорий.

– Вкруг на разъезд выходим, – пояснил сопровождающий. – Две недели в поле, потом месяц на хозяйстве.

– Трехсменка, что ли, получается? – поинтересовалась слышавшая громкий рассказ Юля.

Боярин Храмцов оглянулся на нее, потом глазами указал собеседнику вперед и пнул пятками коня, переходя в галоп. Григорий, удивленно пожав плечами, припустил следом.

– Что за татарка странная с вами? – негромко поинтересовался витязь.

– Это боярыня Юлия? – несколько удивился Григорий, который за два последних года привык, что девушка во всем держится с мужчинами на равных. – Жена она брату моему, Варламу. И не татарка совсем. Сильно обижается, если так называют.

– А пошто в штанах? – недоверчиво покачал головой Сергей Храмцов. – И вообще одета не по-бабьи. Лук боевой при ней еще. Зачем?

– Ты только при ней не спроси, – широко улыбнулся боярин Григорий. – А то, как брат, на заклад нарвешься. Она о прошлой зиме при всей рати любое желание выполнить обещала тому, кто лучше ее стреляет.

– Ну? – заинтересовался воин.

– С двухсот сажень по сосне из десяти стрел ни разу не промахнулась.

– Не может быть!

– А ты заложись, Сергей Михайлович, – улыбка боярина Батова стала ехидной. – Может, у нее и еще какие желания есть?

– Перекрестись! – На этот раз витязь оглянулся на всадницу с уважением.

– Вот те крест, – небрежно обмахнулся Батов. – Да ты сам посмотри. Видишь, окромя лука да косаря, никакого орудия не носит? Потому как, хоть и баба, а понимает, что в рукопашной ей мужика не одолеть. Только издалека разить может.

Вот тут новоиспеченный боярин Григорий Батов глубоко ошибался. Как раз в рукопашной схватке Юленька очень даже могла преподнести самонадеянному мужику немало неприятных сюрпризов, потому как, мастер спорта по стрельбе из лука, член сборной Союза, на спортивных сборах походила она и на занятия по самбо. И хотя ни на какие разряды претендовать не пыталась – на практике кое-какие приемы применять умела. Увы, в шестнадцатом веке, в который ее угораздило провалиться на Неве вместе со всем военно-историческим фестивалем, воины предпочитали пользоваться не ножами и кулаками, а кистенями и длинноклинковым оружием. А против остро отточенного меча не существует приемов ни в карате, ни в айки-до, ни даже в рожденном двадцатым веком самбо.

Глава 3

Девлет-Гирей

Александр Тирц дважды обошел вокруг подведенной ему кобылы и задумчиво потер нос. С одной стороны, он прекрасно понимал, что в дальние походы все равно понадобится ходить верхом, а значит, рано или поздно на коня садиться придется. С другой – этот момент ему хотелось оттянуть. С третьей – он никак не ожидал, что хваленые татарские кони, наводящие ужас на окружающие народы, больше всего напоминают пони. При своем добротном росте в метр девяносто четыре, как намерили в армии перед демобилизацией, кандидат физических наук подозревал, что пешком сможет идти не намного медленнее этакого скакуна.

– Тебя долго ждать, неверный?! – повелительно рыкнул Алги-мурза, покачиваясь в седле.

– Заткнись, шею сверну, – не оборачиваясь, но четко и внятно ответил русский.

– Да как ты смеешь! – Татарин, одетый в толстый ватный, многократно простеганный, коричневый халат, схватился за саблю и двинулся вперед.

Русский не дрогнул, с полным презрением к воину продолжая интересоваться только кобылой.

– Да я тебя! – Алги-мурза обнажил клинок.

Русский задумчиво потрогал переднюю луку седла, заднюю, погладил тебеньки, недоверчиво попробовал на прочность стремяна.

– В куски изрублю, собакам скормлю!

– И долго мне этого ждать? – Тирц внезапно выпрямился и повернулся к мурзе. – Ну?

В этот момент Алги-мурза в полной мере осознал, что голова русского находится на том же уровне, что и у него, сидящего верхом. Что взгляд темных глаз мало отличается по холоду и глубине от взгляда отрубленной палачом головы. Одного этого взгляда вполне хватало, чтобы понять: убить такого человека невозможно. Он либо заговорен от смерти, либо уже мертв, но еще не знает об этом. Помнится, аравийские дервиши рассказывали истории про бродящих мертвецов...

Вдобавок, русский закован в изрядно помятую кирасу, явно побывавшую не в одной переделке, а на поясе у него болтается меч, длиной превышающий половину его роста. И Алги-мурза всем своим нутром чувствовал желание неверного кого-нибудь этим мечом проткнуть.

Татарин осторожно покосился на Кароки-мурзу, надеясь, что тот наконец-то остановит ссору, но бей Кара-Сова словно ничего и не замечал.

– Если бы мой господин не приказал доставить тебя к хану Девлету в целости и сохранности...

– О себе побеспокойся. – Русский моментально потерял интерес к воину, и тот облегченно перевел дух: кажется, никто его испуга не заметил, своего достоинства он не потерял, и в трусости его никто попрекать не станет. Хорошо, взятые с собой десять нукеров стоят у выезда на дорогу и не видели происходящего.

– И охранять его, пока я не отзову, – уже убирая саблю в ножны, услышал он сиплый голос мучимого одышкой Кароки-мурзы.

Надеясь, что он ослышался, татарин повернулся к господину, но тот упрямо повторил:

– И ты будешь охранять его, пока я тебя не отзову.

Наместник Балык-Каи вовсе не собирался поиздеваться над своим слугой, заставляя его находиться подле странного русского неизвестно сколько времени. Он просто понял, что Магистр и вправду постоянно норовит ввязаться в резню, и не хотел, чтобы тот погиб раньше, чем станет ясно, насколько осуществим его план.

– Его зовут Менгистр, – на всякий случай добавил чиновник. Он достаточно ясно представлял, чем закончится дело, если Алги-мурза назовет охраняемого неверного «русским».

Александр Тирц по прозвищу Магистр – которое, впрочем, уже начало меняться на турецкий манер, – закончил свой осмотр и поднял глаза на Кароки-мурзу:

- Если я встану в стремя, оно меня выдержит?
- Да.
- Может, мне лучше просто запрыгнуть в седло?
- Прыгай.
- А спина у лошади не сломается?
- Сделай хоть что-нибудь, и тогда мы узнаем.

Русский положил ладони на луки седла, вставил ногу в стремя, потом с силой оттолкнулся другой и полузапрыгнул, полуподтянулся, полуподнялся наверх, тут же схватившись за повод. Лошадь немного потопталась на месте, но не упала и не сломалась под тяжелым всадником.

– Так, – попытался вспомнить он невнятную инструкцию. – Пятками в бока – это «газ», оба повода на себя – «тормоз». Потянуть левый повод и сразу отпустить: поворот налево. Потянуть правый: направо.

Он тут же потянул правый повод, едва не свернув кобыле шею, и та, болезненно всхрапнув, повернула вниз по тропе. Русский оглянулся на Кароки-мурзу, кивнул:

– Спасибо, мы поехали. – Потом пнул пятками лошадь, и та торопливо потрусила к дороге. – Эх, лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

Алги-мурза мгновенно понял, что русский не умеет держаться в седле, и сразу перевел небольшой отряд в галоп, напоминающий поездку на телеге по каменистой дороге. Менги-стр – как отложилось имя охраняемого в его голове, – ерзал из стороны в сторону, качался, подпрыгивал в седле, ударяясь о натертую кожу своей широкой задницей, пытался удержать равновесие, дергая поводья, но о пощаде так ни разу и не взмолился. Промчав так несколько верст, татарин пожалел коней и перешел на широкую походную рысь.

– Почему мы затормозили? – немедленно забеспокоился русский, которого перестало мотать из стороны в сторону.

– Чего сделали? – не понял татарин.

– Снизили скорость передвижения гужевых транспортных средств, – дернул верхней губой русский. – Теперь дошло?

– Лошади устали, – угрюмо ответил Алги-мурза, понимая, что так и не смог отомстить за недавнее унижение. – Раньше, чем через четыре дня, до кочевья все равно не успеть.

Успокоился он только после того, как они пересекли узкие в этой части Крыма горы, миновали леса и вырвались на простор широкой горячей степи, которую в преддверии наступающей осени солнце превратило в белесый ковер из пересохшей травы.

Второй неожиданностью, которую приготовил Алги-мурза русскому, была необходимость спать без шатра, на одной войлочной подстилке. Пусть пообломает свои нежные, привыкшие к перинам, косточки о жесткую степную землю!

Однако и здесь татарина ждало разочарование: услышав, что придется ложиться спать прямо здесь, где застала их темнота, Менги-стр просто лег там, где стоял, не спросив не то что про кров и постель – даже про ужин.

– Расседлайте его кобылу, – приказал Алги нукерам и улегся неподалеку от навязанного Кароки-мурзой спутника, пытаясь придумать очередную пакость неверному. Увы, в голову ничего не шло. Тем более, что вечером следующего дня они должны были миновать кочевье самого Алги-мурзы, и он собирался немного отпраздновать эту маленькую радость, а не превращать ее в тягостную обязанность. Русские, русские... Внезапно в его голову пришла коварная мысль, и он, сладко улыбнувшись, провалился в глубокий спокойный сон.

* * *

К кочевью рода Алги они вышли вскоре после полудня. Поначалу они встретили несколько овечьих отар, стригущих траву не хуже триммера – большое белое пятно с неровными краями медленно наползало на высокую пересохшую траву с редкими проблесками зелени, оставляя после себя травяные пеньки от силы миллиметровой высоты. Пастухи при виде всадников низко кланялись, а когда навстречу попался табун – разразились приветственными криками, после чего молодой паренек вскочил верхом на неоседланного жеребца и радостно умчался вперед.

Само стойбище показалось часа через два – полтора десятка укрытых шкурами шатров со стенками, до высоты человеческого роста выпирающими наружу, а потом круто изгибающимися и сходящимися на конус, с отверстием на самой макушке. Самый крупный из таких походных домов составлял около десяти, а самый маленький – порядка трех метров в диаметре. От стойбища далеко вокруг пахло дымом, мясным варевом, человеческим потом – даже ночью не заблудишься.

– Да живет мурза Алги! Да здравствует Алги-мурза! Долгие лета! – высыпая из шаров, либо подбегая со стороны степи, с искренней радостью вопили кочевники.

– Мой род, – с нарочитой небрежностью пояснил татарин. – Коли через мои земли проезжаем, сегодня праздновать станем.

Он спешил перед самым крупным шатром, небрежно постукивая себя плетью по ноге, шагнул внутрь, откинув полог. В стороны поползли на карачках, тыкаясь лбами в ковры и пятясь задом наперед, какие-то старики в замызганных, просаленных халатах, цвет которых было уже невозможно определить. Посреди шатра тускло, но жарко тлели угли небольшого очага, за ним, возле небольшого возвышения, почтительно склонилась девушка в широких шароварах и короткой войлочной курточке, прикрывающей только плечи и грудь, оставляя на всеобщее обозрение бархатистый животик с какой-то блестящей и низ спины. Перед возвышением стоял большой серебряный поднос с тонконосым медным кувшином и полупрозрачной фарфоровой пиалой.

– Еще одну принеси, – небрежно бросил Алги-мурза. Девушка стремглав убежала, а татарин принялся неспешно усаживаться на возвышении: подогнул ноги, опустил, сдвинул ножны назад, чтобы не мешали, покачался из стороны в сторону, как бы проверяя – все ли удобно, все ли кости и мышцы на своих местах. Потом с таким же тщанием подоткнул под колени полы халата. Приглашающим жестом указал русскому на ковер возле левого угла возвышения.

Тирц бухнулся туда небрежно, озаботившись лишь о том, чтобы не сбить ногами поднос. Алги-мурза взялся за рукоять кувшина и, придерживая крышку, наклонил носик в сторону гостя. Подбежавшая девушка еле успела подставить под прозрачную коричневую струйку драгоценную китайскую пиалу. Хозяин невозмутимо наполнил ее примерно до половины, потом налил столько же себе, опять же жестом предложил угоститься.

Русский отпил пару глотков, облизнулся, одобрительно крикнул:

– Хороший чаек, ароматный. Индийский, небось?

– Китайские купцы привозили, – кивнул Алги-мурза и повернул голову к девушке: – Пусть на улице дастархан накроют, молодого барашка зарежьте. Гость у нас от Кароки-мурзы. Праздник будет. Пусть *русских* полонянок соберут. Они нас развлекать станут.

– Полдня пути потеряем с праздником, – хмуро отметил Тирц.

– Ну, что ты, Менги-стр, – развел руками. – После сытного и хорошего отдыха в родном кочевье и дорога становится короче, и кони быстрее бегут, и усталость позже наступает.

– Наплел-то, наплел, – хмыкнув, покачал головой гость, допил чай, пожал плечами. – Впрочем, все одно сентябрь... До жатвы не успеем, а посевная не скоро. Черт с тобой, празднуйте.

Алги-мурза предпочел не заметить ничего обидного в его словах, снова взялся за кувшин и аккуратно, ровно наполовину наполнил пиалу гостя ароматным напитком. Ничего, дорогой Менги-стр, сейчас ты увидишь очень приятное зрелище.

Чаепитие растянулось надолго – невольница меняла кувшин на горячий четыре раза. И хотя русский оказался никудышным собеседником – все больше молчал, бессмысленно уставясь прямо перед собой, и лишь изредка похваливал крепко заваренный чай, – предвкушение мести превратило для Алги-мурзы ожидание в немалое удовольствие.

Наконец, полог шатра откинулся, за ним появился почтительно склонившийся старик, и хозяин поднялся:

– Вот и угощение готово. В нашем кочевье всегда рады дорогому гостю.

Накрытый на улице дастархан мало отличался от убранства шатра: те же выстеленные на землю ковры, небольшое возвышение для хозяина стойбища. Разве только вместо медных кувшинов стояли глиняные крынки, да пиалы были не фарфоровые, а деревянные. Воины стойбища толпились у шатров, не смея приблизиться к скудному угощению до разрешения господина. Таковыми, впрочем, являлись все мужчины, начиная с тех, у кого только пробился на верхней губе нежный пушок, и заканчивая стариками, что вот-вот начнут ронять потяжелевшую саблю из рук. Детей и татарских женщин видно не было, а вот сбившиеся в кучку юные полонянки, одетые кто в еще сарафаны или платья со множеством юбок, в высоких убрусах или платках, а кто уже в шаровары и мужские полотняные рубахи или короткие курточки, с испугом смотрели по сторонам, пытаясь угадать, что ждет их на этот раз.

Алги-мурза неспешно подошел к возвышению и опять долго и тщательно усаживался на почетном месте. Потом жестом пригласил гостя опуститься от себя по правую руку, взмахом руки предложил прочим соплеменникам занимать места. Потом наполнил кумысом чашу гостя, свою, поднял перед собой:

– Как хорошо оказаться в родном кочевье. Здесь и воздух сочнее, и небо выше, и кумыс слаще.

Он отпил немного перебродившего кобыльего молока, наслаждаясь его кисловатым, прогоняющим жажду привкусом и трудно передаваемой словами щекотливостью – словно пенится по языку пережат горного ручейка. Не удержавшись, снова налил полную пиалу и еще раз выпил.

Появились двое литовских мальчишек-невольников. Босые, одетые только в короткие, до колен, изрядно потертые штаны, они вдвоем несли большое серебряное блюдо с головой барана и бараньим седлом, поставили перед мурзой, убежали. Минуту спустя мальчишки принесли еще одно серебряное блюдо, с правой лопаткой и частью ноги, остановились перед возвышением. Хозяин кивнул в сторону гостя, и блюдо поставили перед ним.

Татары настороженно переглянулись между собой, начали перешептываться: русский получил себе целое блюдо! Все – и для себя одного! Да еще с правой лопаткой!

По древним обычаям, любое животное, подстреленное на охоте или заколотое в стойбище, всегда разделялось на двадцать четыре части, которые, по числу гостей, раскладывались либо на двадцать четыре, либо на двенадцать блюд. И каждый гость получал либо целое блюдо, либо, когда гостей много, с одного блюда ели двое или трое. Каждая часть тела имела свое – почетное или оскорбительное значение. Конечности ног, кишки и хвостовые кости обычно оставлялись слугам, очищавшим внутренности, невольникам, мальчишкам, которые подкладывали катыши кизяка под котел. Грудинка и мелкие куски передней части полагались женам. Голова и тазовая часть – хозяину стойбища, главе рода. Лопатки – его ближайшим помощникам или особо почетным гостям.

Русскому, посаженному по правую руку от хана, подали отдельное блюдо с правой лопаткой – и это в то время, как родовитые татары вынуждены были есть по двое, по трое из блюда! Да еще русских невольниц позвали – неужто освободит? Отдаст гостю?

Алги-мурза, жуя отрезанное ухо, дождался, пока угощение получают все, потом вытер пальцы о халат и взмахнул рукой:

– Эй, *русские!* Девки! Скучно нам так есть. А ну-ка, потанцуйте, да спойте нам для отрады! – Он налил себе кумыса, отпил и грозно прикрикнул: – Ну же, не стойте!

Полонянки, дрогнув, разошлись в стороны и принялись кружиться, что-то неразборчиво запевая на разные голоса и перебивая друг друга. Однако вскоре с песней разобрались и затаили нечто однотонно-заунывное. Песню русских рабов.

Хозяин кочевья тем временем с помощью тонкого ножа оттяпал барашку нижнюю челюсть, быстро ее обгрыз, ударом оголовья разломил на три части.

– Срамно вы одеваетесь, русские, – громко крикнул он невольницам. – А ну, в кого я костью попаду, что-нибудь из тряпья своего снимайте!

Он размахнулся и первым же обломком попал в живот курносой девушке с яркими веснушками. Та испуганно вздрогнула, а мурза довольно расхохотался:

– Снимай!

Тревожно оглядываясь, словно надеясь на неожиданную помощь, полонянка немного помедлила, но после второго окрика развязала веревку и скинула на землю юбку, под которой оказалась еще одна. – Чего встала? Танцуй! И пой!

Мурза тут же запустил в нее вторым куском бараньей челюсти, но промахнулся. Третьим – невольница увернулась. Хозяин кочевья ощутил азарт и принялся торопливо обгрызать баранье седло, очищая костяшку. Прочие татары тоже оживились. Идея понравилась, и в полонянок то с одной, то с другой стороны дастархана полетели суставы и куски костей. Одна из них попала в веснушчатую девку, и та снова сняла юбку – под которой оказалась еще одна! Мурза заливисто рассмеялся, срубил ножом кусок кости вместе с суставом и метким броском угодил облюбованной жертве в плечо:

– Снимай! – Алги-мурза точно видел, что эта юбка последняя: уж очень четко обрисовывались под тканью девичьи ноги. И точно – вместо того, чтобы скинуть очередную юбку, полонянка развязала и уронила на землю платок, оставшись простоволосой перед многочисленными мужскими взорами.

Другие пленницы тоже попадали под град костей и, останавливаясь, снимали то одно, то другое, после чего снова начинали танцевать и тянуть свою заунывную песню. Хуже всего досталось тем, кто носил сарафаны: под этим единственным платьем у них не имелось ничего, и рабыни продолжали свой танец и песню, оставшись совершенно обнаженными, пытаясь лишь стыдливо прикрыть срамные места.

Возбужденные татары меткими бросками спешили раздеть остальных. Престарелый же Алаим, не в силах обуздать желание, подозвал к себе одну из обнаженных полонянок, приказал опуститься на колени и сладострастно тискал, запустив одну руку ей между ног, а другой сжимая грудь. Пленница продолжала укрываться руками, но противиться не смела – лишь мелко подрагивала нижняя губа.

Алаим поднялся и пошел к ближайшему шатру, волоча девку за собой. От нижнего края дастархана поднялись трое безусых юнцов, уже очистившие масталыги на одном для троих блюде и, воровато оглянувшись на соседей, позвали к себе голенькую девчонку примерно своего возраста – с только намечающейся грудью и тонкими ножками, – повели ее за другой шатер.

Да, это было именно то, на что рассчитывал Алги-мурза! Пусть русский полюбуется, как татары развлекаются с его землячками! И ведь ни самому обижаться, ни Кароки-мурзе жаловаться нечего: приняли, как самого дорогого гостя. Лучшее место указали, лучшие куски угощения дали, песни и танцы для развлечения устроили. А что девки для развлечения из тех

же мест, что и сам гость – так какие есть полонянки, те и развлекают. Эх, хорошо бы еще, чтобы среди них какая-нибудь знакомая русского оказалась, или родственница. Чтобы видел он, как вынуждена она ублажать собой, своим телом самого занюханного, нищего татарина, – и сделать ничего не мог!

Хозяин кочевья осторожно покосился на гостя, надеясь увидеть, как играют желваки на его скулах, как он стискивает зубы, не в силах вмешаться, как пытается сохранить внешнее спокойствие и погасить в душе своей бурю гнева и ненависти. Однако вместо напускного равнодушия обнаружил на лице Менги-стра лишь легкое удивление. Причем смотрел не на поющих, уворачиваясь от летящих костей девок, а в другую сторону.

– Кто это? – поинтересовался русский, ощутив на себе его внимание.

– Дед Антип, – проследил взгляд хозяин. – Невольник смоленский. Старый уже, разум отсох, руки слабые. Вот и ползает вместе с собаками, подбедается.

Лысый, с трясущийся головой, старик в халате, протертом до того, что через множество прорех наружу торчали клочья ваты, ползал позади стола и пытался углядеть себе какой-нибудь обьедок. Но татары в большинстве сидели пока плотно, а на блюдах тех, кто поменял дастархан на сладости полонянок, не осталось ни единой мясной нитки.

– Зачем он вам нужен? – поинтересовался гость.

– Да не нужен он, – пожал плечами мурза. – Старый уже.

– А чего тогда ползает здесь?

– Так, обьедки собирает, вместе с собаками. Кто же его кормить станет, из ума и сил выжившего?

– Так какого хрена он тут у вас живет?

– Всю жизнь при роде прожил, – опять не понял татарин. – Вот и ползает вокруг, куда ему деться?

Русский замолчал, и хозяин опять заинтересовался невольницами. Одетыми оставалось всего четверо: веснушчатая в одном платье, еще одна, столь же удачливая полонянка, и две в татарских одеждах. Обeim уже пришлось снять верхнюю часть одежды, но они, прикрывая грудь руками, успешно уворачивались от летящих костей. Мурза обьел остывающее мясо сверху седла, разломил его пополам, сгрыз остатки волокон с меньшего куска и метнул в попранвившуюся с самого начала цель... Промахнулся.

Эх, будь русский каким-нибудь просителем – приезжают иногда, умоляя иконы им вернуть, или родичей позволить выкупить... Вот тогда он Менги-стра самого заставил бы кидать костяшки в полонянок, как миленького. Кидал бы, и на минуту отвернуться б не смел. А доверенного Кароки-мурзой спутника особо не заставишь головой по сторонам не вертеть.

Дед Антип засопел слева, громко причмокнул. Не повезло ему в этот раз: ни мяса на блюдах не осталось, ни костей – все перекидали. Один только русский перед грудой обьедков сидит, лениво догрызая верх ноги. Старик осторожно подполз к нему, тихонько просительно почавкал. Менги-стр покосился вбок, и потом коротко и резко взмахнул рукой. Антип странно дернул головой и уткнулся лицом в ковер. Грудь его больше не шевелилась, руки обмякли. Он был убит настолько быстро и бесшумно, что никто, кроме самого хозяина кочевья, ничего не заметил. Ни крови, ни вскриков – русский брезгливо отер ребро ладони о ковер и продолжил трапезу.

Алги-мурза мгновенно потерял интерес к празднику. Теперь он понимал, что никакие землячки, насилуемые татарами по шатрам, никакие насмешки над полонянками гостя действительно ничуть не волнуют. Хоть кишки им тут всем выпусти – у него даже аппетит не испортится. Да еще дед Антип... Никчемный, конечно, невольник, хвоста ослиного не стоит. Вот только... Только помнил еще мурза свою няньку, грудастую Дашу, ее теплые прикосновения и отряхивающие его, упавшего несмышлениша, большие розовые руки. Помнил Витолда, сперва ходившего у седла, а потом долго ездившего позади, пока татарчонок окончательно не

прирос к скакуну. Сейчас они, наверное, тоже ничего не стоят... И, разумеется, мурза, владеющий четырьмя кочевьями, подавать им пиалу с водой на смертном одре не помчится. Но вот так... Подползти к гостю за косточкой милости и уткнуться в землю... Увидеть такое, или просто узнать про такую кончину... ему бы не хотелось.

– Эй, ты!

Он подозвал к себе веснушчатую невольницу, все еще продолжавшую танцевать с тремя другими, и когда она подошла на несколько шагов, небрежно запустил в нее оставшуюся от седла кость. Теперь полонянка уворачиваться не посмела, и мурза попал ей в плечо. Девушка остановилась, наклонилась к подолу платья и сняла его через голову, обнажившись снизу доверху. Широкие бедра, пологие бока, большая грудь. Хороши все-таки русские пленницы!

Мурза поднялся, крикнул, разминая затекшие ноги, взял ее за руку и пошел к шатру: не прилюдно же ее брать! Чай, не в набеге.

Ожидавшей внутри невольнице он махнул рукой, прогоняя наружу, скинул халат и принялся развязывать шаровары:

– На четвереньки становись, подставляй задницу. И плечи вниз опусти, чтобы твоя дырка вверх выпирала.

Он встал позади принявшей указанную позу пленницы, попробовал рукой: влажная давно, ждет милости господина. Уверенно вошел – как и полагается повелителю и господину. Начал пробиваться вперед, к самому ее нутру, одновременно скользнув руками по обнаженной спине, потом опустив вниз и сжав ладонями обнаженные груди. Невольница жалобно застонала, и мурза ощутил, как внизу живота зарождается раскаленный шар, который спустя мгновение выплеснулся вперед, и ушел в лоно ее, женщины, – и она ощутила этот жар, громко закричав и вытянувшись на ковре.

Алги-мурза лег рядом, немного отдохнул. Потом поднялся, подтянул шаровары и завязал поясную веревку. Невольница тоже вскочила, но хозяин кочевья успокаивающе махнул на нее рукой:

– Лежи, не уходи. Сейчас поем немного и вернусь, еще раз тебя опозорю. Так ведь у вас считается?

Полонянка кивнула.

– Вот и жди.

Перед дастарханом осталось всего пяток рабынь, причем в шароварах – одна. Но под непрерывным потоком костяных кусков долго она продержаться не могла. Заметно поредело и число гостей – пленницы уходили, естественно, не сами. Русский, почти полностью истребив предложенное мясо, с видимым удовольствием пил кумыс, иногда лениво поглядывая на пытающихся изобразить танец голых женщин.

Вернувшись на свое место, мурза взялся за холодную голову, расколотил череп, жадно выгреб ладонью мозг, проглотил его, старательно облистав пальцы. Оглядел еще не разошедшихся гостей:

– Шаукат, – окликнул он опытного нукера, которого в последнем набеге ставил сотником. – Когда гость устанет и соберется отдохнуть, положи его в отдельном шатре. И выстави охрану: его жизнь доверена нашему роду самим беем Кароки-мурзой.

– Да, господин, – поклонился тот.

– Если хочешь взять на ночь невольницу, Менги-стр, – повернулся хозяин кочевья к гостю, – выбирай любую.

Тот поддержнул верхней губой, выражая полное свое презрение к увиденным полонянкам.

«А ты как думаешь?! – мысленно возмущился мурза. – Что я тебе татарку на ночь пришлю?! Не хочешь русскую бабу – спи один!»

Вернув нож на пояс, Алги-мурза метнул расколотый череп в пленниц. Никуда не попал, но смех и крики одобрения среди татар вызвал. Потом поднялся и ушел в свой шатер.

Веснушчатая, как он и приказал, лежала на ковре возле почти прогоревшего очага. Увидев господина, она поднялась на четвереньки и уткнулась лицом в ковер, принимая предыдущую позу.

– Подбрось кизяка в огонь, – распорядился хозяин, скидывая халат и расстегивая пояс. – За моим местом у стены ватная подстилка лежит и одеяло, атласом обшитое. Постели там у края и ложись на спину. На этот раз я хочу тебя видеть.

* * *

Утреннее желание Алги-мурза удовлетворил тоже с полонянкой, на этот раз оставив своих жен совершенно ни с чем. Пленница ему понравилась: холодная, но покорная вначале, она быстро вспыхивала в объятиях господина, становясь страстной и жаркой. Вся из себя гладкая и бархатистая, без оспин и почти без родинок. Такую, пожалуй, продавать жалко, хотя цену за нее дадут изрядную. И при стойбище в общем услужении жалко оставлять: или ошпарят на кухне, или подростки ненасытные спортят – весь жар отобьют, сладости и способности к ласке лишат. В общем, либо шрамов получит, либо холоду наберется. Ни золота тогда от нее не станет, ни удовольствия.

Хозяин кочевья еще колебался, хотя единственный вывод напрашивался сам собой...

– Тебя как зовут?

– Даша, – потупила полонянка глаза.

– Покажи руки.

Невольница, ничего не понимая, вытянула руки перед собой.

– Нет, – мотнул головой татарин. – Ладони покажи...

Ладони у девушки были розовые и горячие – Алги-мурза скользнул по ним кончиками пальцев, отвернулся, поднял широкий пояс из толстой бычьей кожи с висящими на нем саблех, двумя ножами, огнивом и кошельком, подпоясался.

– Старшую жену мою знаешь?

– Да, господин.

– Придет Фехула, скажи, что я беру тебя в гарем. Пусть переоденет и место отведет. И кибитку отдельную! Поняла? – Он обернулся на всхлип и обнаружил, что новая наложница плачет. – Ты чего?

– Домой... Домой хочу...

– Да как ты!.. – Мурза хотел дать ей звонкую оплеуху, но как-то само получилось, что вместо этого он просто прикоснулся к мокрой щеке. – Здесь теперь твой дом. Привыкай. Меня жди. Вернусь – подарки привезу.

– Не бросай меня! – Наложница упала на колени.

– Вот шайтан!

Мурза растерялся. В голове промелькнули рассказы о том, что из русских женщин получают самые ласковые и преданные жены... И самые ревнивые. Сколько случаев было, когда детей других жен они изводили, когда соперниц по вниманию мужа резали – не счесть.

– С собой возьми, господин! Любить каждый день стану, господин. Я ласковой могу быть, я внимания требовать не стану. Не хочу опять одна!

– Да не могу с собой повозок брать! Верхом мы идем, торопясь... – Алги-мурза поймал себя на том, что оправдывается. Оправдывается перед наложницей, которая еще и часа в гареме пробыть не успела. – Вот шайтан! – разозлился он. – Сказал: здесь оставайся! Воля моя теперь тебе защитой. Фехула тебя оденет и место отведет хорошее, я ей сам скажу.

Татарин подумал о том, что раньше ему приходилось оправдываться только перед старшей женой, и уже начал сожалеть о том, что взял полонянку в гарем. Продать ее надо. И золота в казну прибудет, и лишние волнения долой.

– Я умру без вас, господин. Я руки на себя наложу. Не хочу больше одна оставаться, не стану!

«Врет наверняка», – промелькнуло в голове Алги-мурзы, и он решительно отмахнулся:

– Здесь оставайся. Коли смогу, нукера за тобой пришлю, позову. А пока оставайся, я так приказываю!

Он набросил на плечи халат и вышел из шатра, с силой отшвырнув в сторону полог.

Нукеры взятого в сопровождение десятка уже дожидались своего господина на месте вчерашнего пиршества. Русский тоже ждал, поставив локти на холку своей кобылы, перед седлом. Однако, видимо, с силой не опирался, поскольку стояла лошадь спокойно.

– Припасы взяли? – излишне громко поинтересовался мурза.

– Навьючены уже, господин, – отозвался нукер Гумер, сорокалетний воин, имеющий немалый опыт и в набегах, и в мирных переходах.

– Тогда отправляемся. – Он торопливо взметнулся в седло. – Поедим, когда Ор-Копу увидим.

Слово свое Алги-мурза сдержал, хотя до сделанного несколько лет назад Сахыб-Гиреем перекопа они добрались только к полудню. Животы путников к этому времени изрядно подвело, но нукеры не смели перечить своему господину, а русский... Ему, похоже, было и вовсе все равно – сытно-голодно, холодно-горячо, жестко-мягко. Он рвался вперед, и пока дорога ложилась под копыта, все остальное его вовсе не интересовало.

Подкрепившись хорошо прокопченной, слегка подсоленной кониной, они двинулись дальше, на восток, через земли могущественнейшего крымского бейского рода Шириновых. Один из родов, похоже, недавно откочевал с этих мест, поскольку вместо отар и табунов маленький отряд видел только пеньки подъеденной под корень травы да навозные катыши. Впрочем, к вечеру они выбрались в нетронутую скотом степь, и остановились на ночлег, отпуская ни разу не кормленных за день лошадей пастись.

Наутро они подкрепились жестким вяленным мясом, запив его густым кобыльим молоком, и поднялись в седла. Опять потянулась бесконечная седая равнина, полная ленивых, широких и пологих взгорков и столь же пологих низин, совершенно одинаковых и, на взгляд Тирца, никак не отличающихся друг от друга. Порою ему начинало казаться, что они бродят по бесконечному кругу, – как вдруг среди дня по левую руку не появилась вдруг, словно призрак, одинокая мечеть, ослепительно белая, с голубым куполом и четырьмя светло-розовыми минаретами.

Незадолго до вечера впереди показалась зеленая полоса, похожая на далекий лес. Отряд перешел в галоп и вскоре приблизился к широкой полосе растущих поперек пути тополей и серебристых ив. Татары спешили и вошли под кроны, ведя своих коней в поводу. Магистр последовал их примеру и, спустя несколько минут протискивания через густой кустарник, вышел к широкой, полноводной реке.

Впервые за все время пути они развели костер и поели не всухомятку, а нормальной овсяной каши с тщательно разваренным мясом, наполнили до горлышка все бурдюки, да и сами отпились водой вдоволь.

– Поутру вверх пойдем, – пояснил развалившийся на толстом войлочном потнике Алги-мурза. – Брод должен быть неподалеку.

«Неподалеку» в устах татарина на деле вылилось еще в полдня пути, однако реку они пересекли, не замочив ног, – воды на перекатывающейся по каменистому руслу стремнине оказалось немногим выше, чем коню по брюхо. Зато на противоположном берегу они почти сразу наткнулись на отару свежестриженных овец, похожих на яблочные огрызки на тонких ножках. Гумер, подчиняясь кивку мурзы, поскакал к пастухам и вскоре вернулся с радостным известием:

– Ставка мансуровского рода у Кривого колодца. Дотемна доберемся!

– Причем тут мансуровский род? – насторожился русский. – Мне ведь Девлет-Гирей нужен!

– Девлета отец беим над Мансуровым и Меревым ногойскими родами поставил, – кратко пояснил Алги-мурза, подгоняя пятками коня. – Где ставка Мансуровых, там и Девлет-Гирей сидит. Теперь уже рядом.

Глава 4

Батово

С холма казалось, что пространство вокруг залито водой. Что до самого горизонта плещется огромное озеро, из которого тут и там выглядывают поросшие лесом макушки холмов, темнеют тростниковые заросли, почему-то сильно смахивающие на макушки пирамидальных тополей. Местами островки почему-то выглядели, как сметанные вокруг высоких шестов стога сена. Временами по поверхности озера прокатывалась волна ветра, и по нему начинали течь медленные, величественные волны.

– Красиво-то как, – вздохнула Юля.

– Сейчас, боярыня, – потрепал по гриве своего скакуна Сергей Храмцов. – Сейчас ярило наше поднимется, враз туман разгонит. Моргнуть не успеете.

– Жалко, – тряхнула головой женщина. – А впрочем, пускай. Земля наша в любом виде прекрасна.

Корочаевский боярин покосился на перо, торчащее высоко над беретом, но промолчал. В этот миг полыхнуло заревом над далеким горизонтом, появился край ослепительного диска, начал вырастать, расплескивая яркие лучи – и в тех местах, куда они падали, озерная гладь действительно мгновенно пересыхала, обнажая скрытые под собой луга, заросли кустарника и дубовые рощи. Смерды, скинув шапки, торопливо крестились и кланялись древнему божееству, бояре тоже не удержались и осенили себя крестами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.